

Памяти Николая Николаевича Неплюева ¹⁾.

Николай Николаевичъ Неплюевъ извѣстенъ русскому обществу преимущественно какъ практическій церковный дѣятель, своимъ опытомъ организаціи жизни въ формѣ христіанской общины. Сочиненія его, раскрывающія идеальныя основы христіанской жизни, до сихъ поръ еще сравнительно мало извѣстны русской интеллигенціи, для которой они непосредственно и предназначались. Отчасти это объясняется тѣмъ, что появленію въ свѣтъ сочиненій Николая Николаевича довольно долго препятствовала „духовная цензура“, такъ что эти труды онъ вынужденъ былъ печатать за границей и только съ 1901 года могъ приступить къ выпуску перваго тома полнаго собранія своихъ сочиненій. До настоящаго времени вышло въ свѣтъ 5 томовъ и ожидаются еще дополнительные выпуски. Наша духовная литература встрѣтила изданіе сочиненій Н. Н. Неплюева съ открытымъ недоброжелательствомъ. По грустному признанію самого Николая Николаевича въ 1906 году, единственнымъ исключеніемъ изъ ряда несочувственныхъ статей въ нашей литературѣ явилась статья проф. прот. П. Я. Свѣтлова въ его извѣстномъ сочиненіи „Идея Царства Божія въ ея значеніи для христіанскаго міросозерцанія“, гдѣ ученый авторъ приветствовалъ труды Н. Н. Неплюева, какъ цѣнный вкладъ въ нашу духовную литературу ²⁾. Вообще же на усоншаго наши ревностные богословы возводили самыя странныя обвиненія, выставляя его самозваннымъ исправителемъ Церкви, человѣкомъ съ пессимистическимъ взглядомъ на жизнь, врагомъ монашества, гордецомъ и т. д. ³⁾. Самъ покойный Н. Н. Неплюевъ не называлъ по именамъ своихъ литера-

¹⁾ См. Труды Академіи, іюнь, 1908 г.

²⁾ „Партія мирнаго прогресса“, стр. 4—5, Глуховъ, 1906 г.

³⁾ См. т. 4-й сочиненій Н. Н. Неплюева, стр. 3—6.

турныхъ противниковъ и не вступалъ съ ними въ полемику. Не будемъ и мы принимать на себя защиту усопшаго отъ упомянутыхъ нападокъ: онъ стоитъ безмѣрно выше ихъ въ своей жизни и сочиненіяхъ, и каждый, кто лично прочтетъ хоть одинъ томъ его сочиненій, сумѣетъ оцѣнить по достоинству эти нападки на человѣка глубоко церковнаго, болѣвшаго скорбями Церкви и гордаго только ея святостію. Мы попытаемся только представить въ общихъ чертахъ основы міросозерцанія покойнаго и совершенно увѣрены, что даже такого конспективнаго обзора будетъ достаточно для того, чтобы увидѣть, какой истинно христіанскій богословствующій умъ и горѣвшее любовью къ православной церкви сердце жили въ Н. Н. Неплюевѣ. Намъ тѣмъ болѣе легко сдѣлать опытъ такого краткаго изложенія основъ его жизнепониманія, что въ сочиненіяхъ покойнаго находятся неоднократные примѣры этого ¹⁾

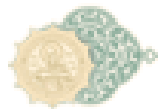
Если попытаться изложить жизнепониманіе Николая Николаевича въ системѣ, то въ немъ ясно выступаютъ три основныя темы: изображеніе идеальныхъ основъ христіанской жизни; взглядъ на современную дѣйствительность съ горячей критикой ея несовершенствъ и несоотвѣтствій идеальнымъ основамъ, и, наконецъ, призывъ не менѣе горячій и вдохновенный, къ лучшему будущему.

Начнемъ съ изложенія идеальныхъ основъ христіанской жизни въ представленіи покойнаго.

Исходнымъ пунктомъ его міровоззрѣнія и вмѣстѣ душою послѣдняго служить вѣра въ Бога—Любовь. „Богъ есть любовь“. Въ этихъ словахъ св. Апостола заключено, по мысли Николая Николаевича, все Евангеліе правды Божіей²⁾. „Апостолъ не называетъ Бога „Разумъ“, не называетъ Бога „Всемогущество“, не называетъ Бога „Вѣч-

¹⁾ См. напр. т. V, стр. 396—519; „Партія мирн. прогресса“, стр. 12 и далѣе; „Матеріалы для проекта устава Всероссійскаго Братства“, стр. 31 и слѣд.

²⁾ Т. 2, стр. 307.

ность“; онъ говоритъ: „Богъ есть Любовь“, и тѣмъ самымъ исповѣдуетъ, что первое мѣсто въ великой, неизмѣнной, святой гармоніи Духа Божія занимаетъ любовь, что ей подчинены и мудрость, и всемогущество и всѣ прочія свойства Божіи“¹⁾. Эта Божія Любовь есть и первопричина бытія, и его основной законъ и конечная цѣль творенія²⁾. „Какъ высшій разумъ, высшая Мудрость, Богъ знаетъ высшее благо. Какъ высшая Любовь, Онъ именно это благо и желаетъ всѣмъ своимъ созданіямъ... Высшее благо—причастіе любви и мудрости Творца. Въ причастіи мудрости Его—полнота утоленія всѣхъ потребностей разума, безпредѣльное могущество въ дѣлѣ пользованія силами природы и совершенія всякихъ чудесъ. Въ причастіи любви Его—полнота утоленія всѣхъ потребностей сердца нашего, высшая повѣя бытія, высшая радость общей гармоніи, объединяющей въ одну любовь Творца и все Его твореніе. Въ этой конечной цѣли бытія—абсолютная истина, абсолютная правда, красота, чистота и святость“³⁾.

Въ любви Божіей вѣчное блаженство творенія. Все должно быть едино въ Немъ, чтобы быть полнотою совершенства, какъ и Онъ, безъ чего невозможно и вѣчное блаженство причастія жизни Его⁴⁾. Поставляя вѣру въ любовь Божію на первое мѣсто въ христіанскомъ міровоззрѣніи, Н. Н. Неплюевъ ставитъ въ неразрывную связь съ этимъ свойствомъ Божіимъ всѣ другія Его свойства и этически обосновываетъ необходимость вѣры въ Бога разумнаго, святаго, вѣчнаго, всемогущаго, вездѣсущаго, неизмѣняемаго, вседовольнаго и всеблаженнаго⁵⁾. Но именно вѣра въ любовь Божію, какъ первопричину бытія и освѣщаетъ послѣднее вѣчнымъ свѣ-

¹⁾ Т. 2, стр. 307—8.

²⁾ Т. 5, стр. 396.

³⁾ Т. 3, стр. 37.

⁴⁾ Т. 5, стр. 397.

⁵⁾ Т. 2, стр. 231—235 и др.

томъ истины. „Повѣрите въ Бога—любовь и весь міръ будетъ озаренъ для васъ сіяніемъ любви Его, согрѣтъ живымъ огнемъ вдохновенія нѣжной любви Его. Въ дѣйствительности вы правотѣрны любовью, свои, родные Богу любовью своею, вы родные, близкіе Ему. Именно васъ Опъ можетъ любить не скорбною любовью жалости, а радостною любовью единодушія... Повѣрите въ Бога Любовь и вы ощутите и разумъ вашъ сознаетъ реальность блаженства ощущенія любви Его. Любовь получитъ разумный, вѣчный смыслъ и дѣло любви станетъ единственнымъ разумнымъ дѣломъ для васъ... вы все благословите любовью, потому, что Богъ — Любовь, что ничто не опасно для любви, ничего она бояться не должна, потому что Богъ—Любовь, что ея есть царство, сила и слава во вѣки“¹⁾.—Если любовь есть основа Божественной жизни, то она же составляетъ основу и нашей жизни, какъ созданныхъ по образу Божію и по подобію. Эги образъ и подобіе въ насъ и есть прежде всего наша способность быть любящими, какъ вѣчное свойство души нашей воспринимать благодать любви и быть въ блаженствѣ единенія съ Богомъ²⁾. Но любовь невозможна безъ свободы. Любящему Богу противно всякое насилье, какъ грубая ложь, одновременно нарушающая требованія разума и любви. Въ этомъ неизмѣнномъ уваженіи Творца къ свободѣ Своихъ созданій и заключается ключъ къ пониманію необходимости временнаго зла въ твореніи, какъ проявленія свободы отступать отъ абсолютнаго добра воли Божіей³⁾. Въ свободѣ воли и заключается наше собственно человѣческое нравственное достоинство, когда по свободному изволенію любви „мы атчемъ и жаждемъ единодушія съ Высшею Любовію и единомыслія съ Высшимъ Разумомъ міра... безъ этого мы были бы куклами, заведенными Богомъ на добро, не имѣющими

¹⁾ Т. 3, стр. 35—36.

²⁾ Т. V, стр. 397.

³⁾ Т. 3, стр. 38.

въ очахъ Его никакого нравственнаго достоинства и тѣмъ самымъ неспособными внушать себѣ и никакой любви Творцу... Такимъ образомъ въ свободѣ, одновременно и основа нравственнаго достоинства нашего, когда мы свободно избираемъ добро единомыслія и единокупія съ Творцомъ, и основа страшной трагедіи міра, когда мы избираемъ свободу отъ Бога, свободу зла и преступленій противъ любви Божіей и плановъ домостроительства Его¹⁾).

„Любовь—это верховный міровой законъ великой истины правды Божіей, верховный завѣтъ Откровенія Божія, верховный завѣтъ христіанской нравственности. Любовь это цементъ, связующій Творца и все, что достойно Его въ твореніи, въ одно блаженное единство. Но любовь - святыня только для любящаго. Нелюбящій не только не цѣнитъ любовь, но и тяготится всякимъ проявленіемъ любви къ Нему. Отсутствие любви ставитъ альтернативу: или покаяться, стать алчущимъ и жаждущимъ благодати любви, или ожесточиться противъ любящихъ, стать по отношенію къ нимъ „клеветникомъ“, чтобы себя оправдать, и „обольстителемъ“, чтобы не быть одинокимъ во лжи и злобѣ своей. „Именно этотъ психологическій процессъ и лежитъ въ основѣ всей міровой трагедіи, безконечно повторяясь какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ“²⁾). Начавшись съ свѣтоноснаго ангела въ фактъ его противленія Богу и обольщенія челоуѣка, этотъ процессъ безпрестанно повторяется въ сынахъ противленія, которымъ Богъ далъ свободу отъ Себя³⁾). Нѣтъ иного зла въ мірѣ, какъ измѣна любви Божіей, и только одна любовь можетъ возстановить наше благодатное единеніе съ Богомъ, крѣпкимъ цементомъ связать насъ съ Нимъ, сдѣлать насъ тѣломъ Его, тѣломъ Христовымъ, участниками славы Его⁴⁾). Жизнь современ-

1) Т. V, 397 - 8.

2) Т. V, стр. 399.

3) Тамъ же, стр. 400.

4) Стр. 401.

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. II. 1908 г.

наго челоуѣчества въ мірѣ есть жизнь на свободѣ отъ Бога. Мы можемъ быть свободными отъ единомудрія и единомыслія съ Богомъ, но Господь остается вѣренъ Своей любви къ намъ. Дѣло Божіе на землѣ и состоитъ въ постоянныхъ призывахъ къ примиренію съ Нимъ. Промыслъ Божій и состоитъ въ постоянномъ благодатномъ воздѣйствіи Церкви Его, безъ малѣйшаго насилія надъ свободою воли, хотя бы и на добро. И въ силу этого все челоуѣчество раздѣляется на два лагеря или партіи предъ судомъ правды Божіей. „Въ очахъ Божіихъ есть только двѣ партіи: сыны свѣта и сыны тьмы, достояніе Божіе и сыны противленія.

Со времени пришествія въ міръ Единороднаго Сына Божія, Спасителя міра, Свѣта отъ Свѣта Небеснаго и основанія Церкви Христовой—христіане и антихристы“¹⁾. Все ветхозавѣтное домостроительство имѣло цѣлю пробудить сознаніе грѣховности и жажду избавленія при свѣтѣ закона, буква котораго сообразовалась съ понятіями дѣтей земли и была изложена на понятномъ имъ лепетѣ²⁾. Но когда возсіялъ на землѣ Свѣтъ отъ Свѣта Небеснаго, Онъ принесъ на землю полноту Откровенія, былъ высшимъ проявленіемъ любви Божіей къ сынамъ противленія, совершилъ великій подвигъ любви и основалъ Церковь новозавѣтную, оставаясь неизмѣнно вѣрнымъ великой истинѣ правды Божіей, по прежнему не производя никакого насилія надъ свободою воли сыновъ противленія. Онъ „принесъ миръ для людей доброй воли... и мечъ и раздѣленіе для сыновъ противленія, по неизбежной логикѣ невозможности общенія свѣта со тьмою. Вотъ почему Церковь Христова и Царство Божіе подобно зерну горчичному, постепенно возрастающему въ большое дерево... и закваскѣ, постепенно вскисающей... Полнота Откровенія, принесенная Спасителемъ міра, главнымъ обра-

¹⁾ Т. V, стр. 406.

²⁾ Тамъ же.

зомъ выразилось въ замѣнѣ многоразличныхъ по буквѣ законовъ церкви ветхозавѣтной единою верховною заповѣдію Церкви новозавѣтной¹⁾).

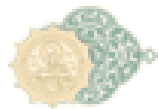
Въ сочиненіяхъ Николая Николаевича мы находимъ сравнительно мало разсужденій о многихъ существенныхъ истинахъ вѣры, каковы: многіе догматы христіанства, таинства, ученіе о Церкви, священной іерархіи, о почитаніи ангеловъ и святыхъ и т. д. По словамъ самаго Николая Николаевича, онъ цѣликомъ принимаетъ все ученіе православной Церкви²⁾ и внимательное чтеніе его сочиненій всецѣло убѣждаетъ въ этомъ, такъ что нѣтъ, намъ думается, ни одного пункта вѣры нашей, ни одного догмата, о которомъ не имѣлось бы въ сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева хотя бѣглаго упоминанія и указанія на значеніе этого догмата для нравственной жизни. Но рѣчь о послѣдней составляетъ главный предметъ всего написаннаго покойнымъ. Идеальныя основы христіанской жизни, утверждающейся, какъ мы уже видѣли, на любви вѣрующаго къ Богу-Любви, съ особенною отчетливостію выражены въ извѣстной статьѣ Н. Н. Неплюева „Христіанская гармонія духа“. Статья эта частію была напечатана въ „Вопросахъ философіи и психологіи“, и, по нашему мнѣнію, менѣе обратила на себя вниманія богословски образованнаго общества, чѣмъ заслуживала бы по существу, являясь чрезвычайно интереснымъ и самостоятельнымъ опытомъ конспективнаго изложенія системы христіанскаго нравоученія. Несмотря на небольшой размѣръ этой статьи, въ ней охвачена вся полнота жизненныхъ отношеній и въ чрезвычайно оригинальной формѣ предложены рѣдко опредѣленные отвѣты на труднѣйшіе вопросы христіанской совѣсти.

Мы уже видѣли, что единый верховный законъ жизни всего разумнаго міра Н. Н. Неплюевъ видитъ въ любви,

¹⁾ Стр. 406—8.

²⁾ Т. V, стр. 416, ср. т. 3, стр. 135—6 и мн. др.

какъ сущности божескаго существа. Любовь къ Богу съ подчиненіемъ ей любви къ ближнему и съ подчиненіемъ послѣдней любви къ себѣ—вотъ основное начало нашей нравственной дѣятельности. Эти основныя положенія христіанской этики и раскрываются подробно въ названной нами статьѣ. Николай Николаевичъ начинаетъ свой трактатъ („психологическій этюдъ“ какъ онъ его называетъ) краткой характеристикой Царства Божія, устроеннаго на землѣ Его любовью, и обнимающаго собою всю полноту человѣческой жизни и отношеній. Всѣ свойства нашего духа Н. Н. Неплюевъ сводитъ къ тремъ категоріямъ, имѣющимъ каждая свое опредѣленное мѣсто въ стройной гармоніи христіанскаго настроенія духа. Эти свойства: любовь, разумъ и ощущенія, при чемъ послѣдними разумѣются всѣ свойства и потребности нашей психо-физической природы. Н. Н. Неплюевъ и старается показать, что взаимоотношеніе этихъ трехъ основныхъ свойствъ нашей личности и опредѣляетъ степень святой гармоніи съ Божественной жизнію въ насъ—рай внутри насъ; или же грѣховную дисгармонію внутри нашего существа—адъ внутри насъ. Съ наибольшею силою, образностію и воодушевленіемъ Николай Николаевичъ раскрываетъ ученіе о первенствѣ *любви* въ христіанской жизни. На непоколебимыхъ данныхъ Слова Божія онъ доказываетъ, что любовь не только занимаетъ первое мѣсто въ экономіи міровой жизни, но что въ ней, именно, весь смыслъ бытія, вѣчная основа вѣчнаго блаженства любящихъ. И любовь истинная есть только любовь къ Богу какъ полнотѣ жизни, единеніе съ Абсолютнымъ совершенствомъ, въ которомъ удовлетвореніе всѣхъ запросовъ и стремленій нашего существа, благо, превосходящее самыя смѣлыя желанія ума и сердца нашего. Любовь къ Богу и „претворяетъ эгоистичную языческую похоть въ разумную христіанскую любовь, научаетъ, какъ любить, возноситъ любовь на высоту святаго святыхъ міра“. Эта любовь къ Богу должна господствовать надъ всякою другою любовью, прони-

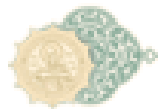
катъ ее насквозь, очищать до святости. Это и есть истинно христіанская любовь, и безъ любви нѣтъ христіанства. „Богъ есть любовь. Этими словами на вѣки осуждена ересь изъ ересей, безумное заблужденіе, гнуснѣйшее изъ кощунствъ, позорная ложь тѣхъ лжыхъ самовванцевъ, которые осмѣливаются называть себя христіанами и даже кичиться своимъ правовѣріемъ, оставаясь холодными и сухими сердцемъ, не признавая любовь своею первою, основною обязанностію, не цѣня любовь въ другихъ, мирясь со строемъ жизни, основанномъ на корысти или насилиі, не вѣря въ высшую разумность любви... Богъ любви и мира не можетъ предпочесть дѣятельной, живой, нѣжной любви ни богословскія знанія, ни подвижничество непрестаннаго самоистязанія, ни самой широкой благотворительности, ни самаго неукоснительнаго соблюденія правовѣрной ритуальности“ ¹⁾. Множество разъ говорить въ своихъ сочиненіяхъ о любви Николай Николаевичъ и всюду неизмѣнно выступаетъ она у него какъ солнце въ нашей нравственной жизни, освѣщающее все своимъ свѣтомъ и надъ всѣмъ царящее. Въ этомъ случаѣ, исходя изъ понятія о любви нашей, какъ отраженіи Божескаго существа, Н. Н. Неплюевъ въ своемъ гимнѣ любви поднимался на рѣдкую высоту. Вотъ для примѣра одно мѣсто, поражающее силою и смѣлостію мысли. „Есть одно суевѣріе, худшее изъ всѣхъ, самое кощунственное, самое вредное, самое опасное... это оклеветаніе самой любви, отрицаніе ея внутренняго достоинства. Это страшная хула на Духа Святаго... Въ дѣйствительности любовь всегда святыня и все собою освящаетъ, все очищаетъ до святости. Не будемъ ошибаться: любовь остается святынею при всякихъ обстоятельствахъ. Она не меньшая святыня и въ сердцѣ атеиста, и въ сердцѣ разбойника, и въ сердцѣ блудника. Грѣховно ихъ злое равнодушіе къ Богу и всему остальному Его творенію, такъ грѣховно,

¹⁾ Т. 2, стр. 308—309.

что въ этой мрачной пучинѣ тонетъ святая капля ихъ исключительной любви. Но капля эта остается сама по себѣ не менѣе святою и дѣлаетъ святынею все, что сдѣлано въ духѣ этой искренней любви. Вотъ почему лучше, чище, святѣе атеистъ, разбойникъ и блудникъ, имѣющіе эту каплю святости въ сердцѣ, нежели самодовольный фарисей, лишенный ея“ ¹⁾.— И, являясь основою жизни христіанской, любовь царитъ надъ *разумомъ*—второю основною способностію нашего Богоподобнаго существа. Любовь не можетъ отказаться отъ разума, не можетъ не желать разумно понять слова Божіи, не можетъ не желать разумно сдѣлать любовь или добро ближнему, не можетъ не любить разума, какъ дорогой талантъ, вѣренный горячо любимымъ Отцомъ на пользу горячо любимыхъ братьевъ. „Нельзя любить не *зная*, кого любишь, не *понимая*, за что любишь. Нельзя не только любить, но и вѣровать въ Бога, не понимая въ Кого вѣруешь, тѣмъ болѣе нельзя служить на разумное дѣло Божіе, не любя Бога всѣмъ разумѣніемъ“. Поэтому, послѣ отрицанія любви худшая ересь—отрицаніе разума; послѣ еретиковъ—враговъ любви, самые опасные для истиннаго христіанства еретики—враги разума; послѣ грубаго глумленія надъ „несбыточной мечтою“ стройной организаціи жизни на основахъ любви и братства, худшее кощунство—отрицаніе необходимости сознательной вѣры, разумнаго пониманія мудрой воли Высшаго Разума міра... „Богъ Слово“—и постыжены враги разума. „Будите мудры, какъ змѣи“ и постыжена ересь поборниковъ мрака, предпочитающихъ вѣру слѣпую—вѣрѣ сознательной; „Я есмь... истина“ и освящена работа мысли... и постыжены тѣ, кто можетъ вывести ближнихъ изъ болота мрака и суеты вѣрій и не дѣлаетъ этого. „Истина дѣлаетъ насъ свободными“ и постыжены поборники цѣпей и умственного рабства“ ²⁾.

¹⁾ Т. 3, стр. 46, 49.

²⁾ Т. 2, стр. 313—320.

Доказавши сначала превосходство любви надъ разумомъ ¹⁾ и поставивши послѣдній на второе мѣсто въ гармоніи христіанскаго духа ²⁾, Н. Н. Неплюевъ разуму подчиняетъ всѣ остальные свойства духа съ ихъ проявленіями, что онъ обозначаетъ, какъ мы сказали, терминомъ *ощущенія*. Центральная мысль этого отдѣла статьи ³⁾ та, что всѣ естественныя силы, способности и стремленія человѣка имѣютъ право на существованіе, все чисто и прекрасно по существу если занимаетъ соответствующее мѣсто въ гармоніи жизни по духу Христову. Не чисто можетъ быть только настроеніе свободнаго духа, его отношеніе къ Богу, самому себѣ, внѣшнему міру и ближнимъ.

Послѣ характеристики любви христіанской, разума и ощущеній Николай Николаевичъ выводитъ окончательную краткую формулу христіанской гармоніи духа: *разумъ, подчиняясь любви, долженъ властвовать надъ ощущеніями*. Чѣмъ болѣе устойчива въ насъ эта святая гармонія духа, тѣмъ болѣе Царство Божіе внутри насъ водворилось, тѣмъ болѣе еще при жизни, здѣсь на землѣ, мы уже не отъ міра сего, а принадлежимъ къ Царству Божію. И съ другой стороны, чѣмъ болѣе въ насъ нарушается эта святая гармонія духа, тѣмъ болѣе нарушается единодушіе и единомысліе между нами и причастниками Царства Божія, тѣмъ болѣе мы удаляемся отъ богоподобія, тѣмъ болѣе приближаемся къ скотоподобию, тѣмъ болѣе водворяется внутри насъ адъ, геена огненная. Но какъ и любовь и разумъ и ощущенія есть Божій въ насъ даръ, такъ и гармонія жизни есть тоже даръ Божіей благодати. „Безъ силы благодати Божіей мы и понимая правду и истину святой гармоніи духа, не найдемъ въ себѣ силъ ни достигнуть ея, ни, тѣмъ болѣе, сдѣлать еѣ

¹⁾ Стр. 310.

²⁾ Стр. 320.

³⁾ Т. 2, „Ощущенія“, стр. 320—328.

устойчивою въ насъ. Силу эту можетъ дать намъ только великое, лежащее въ основѣ всѣхъ таинствъ, таинство причастія Духа Святого¹⁾. Но Царство Духа—царство свободы. Только покаяніемъ и горячимъ влеченіемъ къ источнику жизни можетъ совершиться въ насъ водвореніе Царства Божія. Вотъ почему вмѣсто рая въ насъ можетъ обитать адъ, вмѣсто любви—царить злоба, вмѣсто истины—ложь. Закваска Царства Божія только зрѣть, и оно распространяется лишь постепенно, освѣщая неравномѣрно различные углы человѣческой жизни. И соотвѣтственно уже названнымъ способностямъ нашего существа возможны три великія царства въ земной жизни человѣка и цѣлыхъ народовъ: царство ощущений—адъ души; чистилище царства разума и свобода славы чадъ Божіихъ—царство любви. Обозначая символически свойства нашего существа черезъ квадратъ (ощущенія), треугольникъ (разумъ) и кругъ (любовь), Н. Н. Неплюевъ рисуетъ сначала весь ужасъ жизни при господствѣ ощущений, даже въ томъ случаѣ, когда наряду съ ними признается законнымъ подчиненное существованіе и разума и любви; затѣмъ—весь холодъ жизни при господствѣ разума, и, наконецъ, всю теплоту и полноту жизни въ царствѣ любви, при господствѣ разума надъ ощущеніями. Нѣтъ никакой возможности передать въ краткихъ словахъ этой своеобразной и интересной попытки охарактеризовать возможные жизненные направленія, такъ сдѣлано это сжато и обнимаетъ такую полную жизненныхъ отношений. Въ каждомъ царствѣ указано нѣсколько формулъ соотношенія съ другими способностями души²⁾, равно какъ въ каждомъ изъ указанныхъ царствъ и возможныхъ въ немъ соотношеній охарактеризованы представленія о всевозможныхъ жизненныхъ явленіяхъ³⁾.

1) Т. 2, стр. 330.

2) Напр., ощущенія; ощущенія и разумъ; ощущенія и разумъ и любовь; ощущенія и любовь; ощущенія и любовь и разумъ и совершенно тѣ же въ отношеніи разума и любви.

3) Богъ, міровоззрѣніе, идеалъ, нравственность, гордость, гнѣвъ, эгоизмъ, эгоцентризмъ, рай, Божья, славенный, естество, царство, гонимый, самопо-

Мы позволимъ себѣ указать лишь главные пункты на картанѣ жизни въ духѣ христіанской гармоніи, изображенной Ник. Ник. Неплюевымъ.

Любовь есть высшій царственный законъ жизни на этой ступени ея христіанской гармоніи. *Разумъ* занимаетъ подобающее ему почетное мѣсто и указываетъ разумные пути достиженія намѣчаемыхъ любовью цѣлей. *Ощущенія* признаются законными, имѣющими право на существованіе, когда аскетизмъ выступаетъ не какъ самоцѣль, но какъ средство при служеніи дѣлу Божію и благу ближнихъ, *Бога* любятъ всемъ сердцемъ, любятъ самого Бога Живаго, а не букву обряда или букву познанія Бога. Живая любовь къ Богу отводитъ *философіи* христіанства почетное мѣсто и не чуждается *обрядовъ* внѣшняго культа, поскольку они согласованы съ живою любовію къ Богу и христіанской философіей Альфа и Омега *мірозданія* Богъ-Любовь; *идеаль* —Его вѣчное Царство и Сила, преображеніе всѣхъ душъ живыхъ въ любящихъ Сыновъ Отца Небеснаго. Въ жизни *церкви* помѣстной царитъ полная гармонія между тремя главными сторонами жизни: нравственною, умственною и матеріальною, между живою любовію къ Богу Живому, христіанскою мудростію и стройнымъ осуществленіемъ христіанскаго трудового братства въ жизни. *Власти духовныя* признають своею обязанностію любить своихъ пасомыхъ такъ, какъ Христосъ возлюбилъ человѣчество, полагая всѣ силы и всю жизнь на то, чтобы честно выполнять святые обязанности руководителей въ дѣлѣ познанія воли Божіей и организаціи жизни по вѣрѣ, не останавливаясь на этомъ пути ни передъ какою

жертвованіе, братолюбіе, основы жизни, сдерживающія начала, путь, истина, жизнь, наука, искусство, литература, семья, отецъ, мать, молодой человѣкъ, молодая дѣвушка. мужъ, жена, старики, друзья, общество, государство, воспитаніе, благотворительность, бѣдность, богатство, народъ, власть, международныя отношенія, симпатіи, антипатіи, мудрость, результаты, типы.

жертвою, не отвлекаясь отъ него никакими политическими соображеніями. *Пасомые* призываются къ истинному покаянію въ смыслѣ согласованія всей своей жизни съ волею Божіей, къ реальному благодатному рожденію свыше и непрестанному благодатному общенію съ Богомъ и Церковію Его. *Уклоняющихся* стараются возвратить на лоно правовѣрія исключительно силою всепобѣждающей любви, неотразимыми доводами высшей истины, высшей правды жизни по вѣрѣ. Въ отношеніи къ себѣ царитъ начало Богоподобія. *Гордость* смѣняется сознаниемъ своего богоподобнаго достоинства, неразрывно соединеннаго со смиреннымъ сознаниемъ личной немощи; *гнѣвъ* претворяется въ огонь святой ревности по Богѣ и правдѣ Его; *эгоизмъ* вовсе вытѣсняется изъ души и царитъ въ ней сознание блаженства любви и единенія съ Богомъ, и братскаго общенія съ ближними. *Уныніе* исчезаетъ предъ свѣтомъ радостной вѣры и надежды и остаются только тоска по Богѣ и слезы о гибнущихъ сынахъ человѣческихъ. Устойчивая и разумная *радость* составляетъ свѣтлый фонъ жизни вѣрующаго, не смотря на черныя пятна скорбей и страданій жизни. *Совѣсть* вѣрующаго чуткая и высшимъ *долгомъ* признается непоколебимая вѣрность Богу любви, вѣрность не по буквѣ, но по духу и совѣсти. *Честь* полагается въ силѣ великодушія и вдохновенной любви, когда униженнымъ человѣкъ сознаетъ себя не въ минуту оскорбленія грубою силой, но въ униженіи себя до насилія и мести. *Самопожертвованіе* является зауряднымъ явленіемъ жизни, прямымъ путемъ послѣдованія Христу и неизбежнымъ началомъ христіанской жизни ¹⁾, при чемъ самое самопожертвованіе выступаетъ съ характеромъ высшей радости. *Братолюбіе* становится естественнымъ проявленіемъ дѣятельной любви и организаціи жизни на идеальныхъ христіанскихъ основахъ перестаетъ казаться неосуществимой утопіей, но

¹⁾ Подробно объ этомъ см. т. V, стр. 418 и др.

дѣлается насущною потребностью духа, самымъ дорогимъ, горячимъ его желаніемъ. *Религія* вообще доростаетъ до поклоненія Богу въ духѣ и истинѣ. „Буква текста и обряда перестаетъ быть мертвяцею, оживленная Животворящимъ духомъ любви. Только теперь (т. е. на высшей ступени гармоніи христіанской жизни) жертвы перестали быть подкупомъ, хваленія—лестью, богослуженіе—чародѣйствомъ и всѣ отношенія къ Богу—кощунствомъ“ ¹⁾. *Сдерживающимъ началомъ* является страхъ Божій, какъ свободное, полное достоинства опасеніе оскорбить горячо любимаго Небеснаго Отца. *Путь*—самоотверженіе и радостная жертва; *истина*—любовь, какъ вѣчная правда отношеній къ Богу и ближнимъ; *жизнь*—радость торжествующей любви. *Наука*—Боговѣдѣніе и неразрывно съ нимъ связанное, полное любви и благоговѣнія, изученіе творенія Лювеобильнаго Творца. *Искусство*—отраженіе любви къ красотѣ въ ея единствѣ съ любовью къ Богу и ближнимъ. *Литература*—могучее орудіе проповѣди вѣры въ Бога Любовь. *Семья*—малая Церковь Христова. *Отецъ* съ любовью выполняетъ свои обязанности друга и руководителя и выше всего ставитъ торжество любви въ духѣ и жизни дѣтей. *Мать* понимаетъ любящимъ сердцемъ свою обязанность ежеминутно рождать дитя свое своею любовію въ жизнь любви, благословлять его на жизнь любви и жертвовать имъ на торжество любви. *Молодой человекъ* въ любви находитъ огражденіе отъ соблазновъ и ключъ разумѣнія всѣхъ своихъ обязанностей. *Молодая дѣвушка* находитъ радость въ самоотверженной любви къ родителямъ, потомъ мужу и семьѣ, и болѣе всего къ Богу. *Мужъ и жена* вѣрные друзья. *Старики* не завидуютъ молодости; *друзья*—единодушны въ признанія добра, участники въ дѣлѣ проповѣди любви и организаціи жизни на основѣ любви. *Общество* является въ формѣ христіанскаго трудового брат-

¹⁾ Т. 2, стр. 361.

ства, не миряшагося со строемъ жизни, противнымъ христіанскимъ ея началамъ, и организующагося на началахъ любви. Къ этому же стремится и *христіанское государство*, ограждая кроткихъ отъ волковъ хищныхъ и содѣйствуя торжеству любви въ жизни. *Воспитаніе* при всемъ уваженіи къ развитію ума, ставитъ цѣли нравственныя выше цѣлей образовательныхъ. *Благотворительность* не является „ни безсестемною раздачею пятаковъ, ни, вообще, позорнымъ подкупомъ Бога, но любовь научаетъ умѣнію принести дѣйствительную и прочную пользу ближнему“. *Бѣдность* переносится безъ ропота и озлобленія, становясь невозможнымъ явленіемъ въ жизни строго организованнаго трудового братства; *богатство* возлагаетъ тяжелыя нравственныя обязанности, а не служитъ поводомъ къ гордости. *Народъ* понимаетъ животворящій духъ Словъ Откровенія: „всѣхъ почитайте, братство любите, Бога бойтесь, царя чтите“. *Власти* самоотверженно служатъ, а не заставляютъ другихъ служить себѣ. *Международныя* отношенія вмѣсто господства интересовъ отдѣльныхъ народовъ dorостаютъ до воплощенія въ нихъ начала любви и взаимнаго уваженія правъ. Всѣ *симпатіи* на сторонѣ героевъ самоотверженной любви: *антипатіи* — святой гнѣвъ противъ царства зла. *Мудрость* — любовь къ Богу. *Результатъ* — Царство Божіе внутри человека, небесная радость полного единомыслія и единодушія любовнаго, несмотря на вѣдшія страданія и даже мученичество. Устойчивая гармонія христіанскаго духа и есть *святость*, хотя и относительная, но составляющая обязанность каждаго искренно вѣрующаго.

Мы передали въ краткихъ словахъ содержаніе высшей формулы гармоніи христіанской жизни ($\bigcirc + \Delta + \square$), раскрываемой въ названной статьѣ Николая Николаевича. Конечно, это не картина совершенной христіанской жизни, но лишь общая схема ея. Однако каждый пунктъ, отмѣченный на этомъ планѣ, находитъ болѣе или менѣе подробное раскрытіе

во множествѣ другихъ мѣстъ сочиненій Н. Н. Неплюева. Отличительною чертою послѣднихъ является то, на нашу взглядъ, что, оставаясь всецѣло вѣрнымъ ученію нашей Церкви, Николай Николаевичъ въ этихъ сочиненіяхъ умѣлъ затронуть многія такія стороны жизни, которыя, имѣя высокій современный интересъ, оставались какъ бы вовсе незамѣченными нашими богословскими системами. Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ подробно излагать міровоззрѣніе Н. Н. Неплюева, и мы ограничимся уже сдѣланнымъ конспективнымъ очеркомъ, а теперь обратимся къ тѣмъ статьямъ покойнаго, гдѣ онъ изображаетъ современную дѣйствительность въ ея несоотвѣтствіи идеальнымъ основамъ жизни. Это, какъ мы ранѣе сказали, второй главный предметъ сочиненій Николая Николаевича. Отличаясь проникательнымъ умомъ, чуткимъ сердцемъ, сознательною вѣрою въ Христа и Церковь Его, горячею убѣжденностію и неподкупною честностію, Николай Николаевичъ съ несравненною силою рисуетъ весь разладъ между христіанскою жизнію и идеаломъ и выноситъ суровый, но справедливый приговоръ современной дѣйствительности. Уже было кратко упомянуто въ нашей статьѣ о томъ, что сознаніе этого разлада и его преступности служило главнымъ стимуломъ для попытокъ Н. Н. Неплюева организовать жизнь въ Трудовомъ Братствѣ на новыхъ началахъ. Мы тогда же обѣщались болѣе подробно сказать о взглядѣ Николая Николаевича на нашу современную жизнь и теперь сдѣлаемъ это, сдѣлаемъ тѣмъ охотнѣе, что именно критика современной дѣйствительности покойнымъ и давала поводъ обвинять его во всевозможныхъ преступленіяхъ противъ церковнаго ученія. Съ своей стороны мы, напротивъ, не можемъ не выразить удивленія, какъ могъ Николай Николаевичъ, при всей остротѣ и силѣ своей критики различныхъ сторонъ нашей современной жизни, неизмѣнно всегда оставаться вѣрнымъ авторитету Церкви, проникнуться духомъ ея ученія и жизни, осмыслить всѣ формы ея жизни. Нерѣдко, когда чи-

таешь изображеніе Н. Н. Неплюевымъ ужаса современной мнимо христіанской жизни, встають въ мысли образы этой жизни графа Л. Н. Толстого. Но въ то время, какъ послѣдній готовъ въ этой лжи нашей жизни винить саму Церковь, Н. Н. Неплюевъ въ послѣдней именно и видитъ единственный путь къ спасенію и возрожденію жизни на истинно христіанскихъ основахъ. Само собою понятно, что невозможно и пытаться передать даже въ общихъ чертахъ всего написаннаго Н. Н. Неплюевымъ по вопросу о лжи современной христіанской жизни. Мы ограничимся лишь наиболѣе важными сторонами личной и общественной жизни, затронутыми усочшимъ.

Если христіанство есть религія любви, и жизнь христіанъ должна быть проникнута любовію такъ же, какъ свѣтъ проникаетъ воздухъ, то ясно, что въ основѣ всѣхъ ненормальныхъ явленій лежитъ одно центральное: отверженіе верховнаго закона братолюбія при свѣтѣ любви къ Богу. Это величайшее преступленіе противъ Бога Живого, Христа Его, вѣчной истины правды Ихъ и Церкви Ихъ. Если любовь къ Богу есть законъ единомыслія и единокупія съ Нимъ, то, отрицая этотъ верховный законъ, дѣлають невозможнымъ такое духовное единство, безъ котораго недоступны ни пониманіе истинной жизни, ни любовь: не быть единокупнымъ съ высшею любовію значить быть злымъ, стать безблагодатнымъ, чужимъ Богу по духу, не быть Его достояніемъ, но лишь стремиться сдѣлать Его достояніемъ своимъ, покровителемъ нашей грѣховности и пособникомъ въ нашихъ дѣлахъ¹⁾. Христіанство у насъ исповѣдывается устами, но не сердцемъ. Оно объявляется неосуществимой, прекрасной утопійей²⁾, но этимъ только свидѣлствуется основное невѣріе наше въ Живого Бога—Любовь, совершается торжественное отреченіе отъ вѣры въ Бога и Христа Его. „Для кого же

) „Матеріалы для проэктвъ“, стр. 32—34.

*) Т. 1, стр. 411; т. 4, стр. 115 и мн. др.

приходилъ Сынъ Божій на землю?—въ благородномъ негодованіи спрашиваетъ Николай Николаевичъ, для кого говорилъ слова вѣчной истины? Если мы осмѣливаемся утверждать, что Онъ ошибся, что ученіе Его и молитва, завѣщанная Имъ, непридожимы къ современнымъ обстоятельствамъ жизни или непосильны для насъ, зачѣмъ же мы джемъ, называясь христіанами, зачѣмъ же строимъ христіанскіе храмы, обучаемъ дѣтей закону Божию?... Какъ еврей побивалъ пророковъ, поклоняясь гробамъ ихъ, и требовалъ распятія Христа, о Которомъ благоговѣнно читалъ мертвящую букву пророчествъ, такъ и мы поклоняемся иконамъ и мощамъ святыхъ, обкрадывая и осмѣивая въ жизни идеалистовъ, подобныхъ имъ, читаемъ на распѣвъ букву Апостола и Евангелія въ церквахъ нашихъ, называя въ жизни наивной утопій завѣщанное намъ... христіанское братство и трезвою практичностью ежеминутно распинаемъ Христа „по обычаю міра сего“ подъ сѣнію креста Его. Довольно притворства, политиканства, наглої хулы на Духа Святого! Если мы не вѣримъ во истину Царства Божія и правды Его..., не будемъ лгать передъ Богомъ и людьми..., скажемъ честно, что мы не христіане и перестанемъ глумиться надъ Богомъ“ ¹⁾. „Горе вамъ лицемеры христіанства, признающіе Бога Небеснаго, а въ жизни поклоняющіеся золотому тельцу, чреву, славі и другимъ кумирамъ, „елика на землѣ низу“ ²⁾.

Итакъ, измѣна Христу, отверженіе верховнаго завѣта Его міру—вотъ основа всего ужаса современной жизни, именуемой христіанской. И съ этой точки зрѣнія Н. Н. Неплюевъ смотритъ на жизнь современной церкви и государства и всюду видитъ это отверженіе Христова ученія, жизнь по обычаю міра сего. Какъ мы упоминали, въ основу своего отношенія къ Церкви Николай Николаевичъ полагаетъ вѣрность всему ея ученію. Вотъ какъ самъ онъ говорилъ

) Т. 2, стр. 134—5.

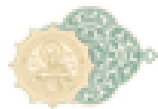
²⁾ Стр. 163, т. 2.

объ этомъ уже накануне своей кончины. „Въ настоящее время... многіе легко измѣняютъ родной Церкви подъ всевозможными предлогами... Никакой новой вѣры я не изобрѣталъ. Единеніемъ съ Церковію Православною, къ которой принадлежу, высоко дорожу... Именно вѣрность Церкви, признаніе верховнаго авторитета Главы ея Христа и долгъ повиновенія верховному завѣту христіанскаго Откровенія... и привело меня на путь любви къ Богу всѣмъ разумніемъ и заложило въ совѣсть мою потребность жизни по вѣрѣ, дѣйствующей любовью. Во Христѣ—полнота Откровенія, но не почилъ Богъ Духъ Святой отъ дѣлъ своихъ, не мертва, а жива Церковь Божія, возрастаетъ дерево христіанства, вскисаетъ святая закваска благодати“¹⁾. Всѣ сочиненія покойнаго Н. Н. Неплюева проникнуты этимъ благоговѣйнымъ чувствомъ въ отношеніи Церкви Христовой, но онъ справедливо говорилъ, что это благоговѣніе не можетъ мѣшать трезво отнестись къ дѣйствительности, такъ какъ святость церкви не зависитъ отъ ошибокъ ея представителей и членовъ. И окидывая общимъ взглядомъ жизнь нашей русской, горячо любимой усопшимъ, церкви, онъ видитъ и въ ея жизни ослабленіе животворящаго духа любви и черезъ это недостаточное исполненіе великой церковной миссіи²⁾. Констатируя вѣрность нашей Церкви истинѣ, Н. Н. Неплюевъ находитъ, что церковь православная открываетъ возможность всѣмъ ея членамъ познавать истину и жить въ единеніи съ высшею правдою жизни³⁾, но въ то же время указываетъ проникновеніе въ нѣдра нашей церковной жизни многого, чуждаго закону любви Христовой. Какъ въ личной жизни Богъ оставилъ свободу слѣдовать добру и злу, такъ и на лонѣ помѣстныхъ новозавѣтныхъ церквей свободно можетъ проявляться злая воля. И она дѣйствуетъ, когда называю-

¹⁾ Т. 5; стр. 390.

²⁾ Т. 1, стр. 23.

³⁾ Т. 1, стр. 25—33.

щіеся членами ея „упорно отвергаютъ единый верховный заветъ христіанскаго откровенія, упорно предають поруганію правду Христову, оправдывая зло, признавая нормальнымъ явленіемъ антихристіанскую рутину жизни... и громко обзывая правду Божію—неосуществимой утопіей“¹⁾. Результатъ этого въ современной церковной жизни на лицо. Молчаливое отверженіе верховнаго завета христіанскаго откровенія—омертвило ее, обратило въ неупорядоченную грудуду буквы мертвящей. Вѣра для громаднаго большинства перестала быть свѣтомъ разума. Вѣрѣ предпочитаютъ самыя несостоятельныя философскія доктрины, самыя нелѣпыя суевѣрія, самыя глупыя, злыя и подлыя программы жизни. Одни явно отпадаютъ отъ вѣры, становясь врагами вѣры и церкви помѣстной; другіе впадаютъ въ религіозный раціонализмъ, измѣняя верховному закону любви; третьи молчаливо и безсознательно становятся чуждыми вѣрѣ всѣмъ складомъ ума, симпатій и жизни, продолжая называться православными христіанами и тѣмъ особенно вредя вѣрѣ и церкви; четвертые перестали даже понимать, что въ жизни Христосъ и что Варавва, что добро и что зло, перестали вѣрить въ разумность и силу добра, увѣровали въ разумность и силу зла, стали противъ Бога на сторону сатаны. „И повинны въ въ этомъ не только міряне, но и духовенство, среди котораго встрѣчаются всѣ виды этихъ разновидностей отпадшихъ отъ вѣры, клеветующихъ на Церковь. Среди самихъ пастырей церкви встрѣчаются на каждомъ шагу люди, громко высказывающіе свое непониманіе животворящаго духа вѣры, то явнымъ предпочтеніемъ буквы мертвящей, то полнымъ безразличіемъ къ добру и злу, то явнымъ сочувствіемъ злу и злымъ путямъ“²⁾. Религіозная жизнь громаднаго большинства вѣрующихъ сводится на болѣе или менѣе точное выпол-

¹⁾ Т. 5, 409.

²⁾ „Матеріалы“..., стр. 37—38.

неніе буквы церковной обрядности и въ лучшемъ случаѣ вѣрности буквѣ православныхъ догматовъ и церковныхъ канонѣвъ...; съ народа, какъ непрочная позолота, сходитъ его пресловутая „простая вѣра“, а съ интеллигенціи давно сошли и послѣдніе признаки непрочной позолоты его вѣры не простой. Теперь начинается сходить и съ духовенства непрочная позолота его „казенной“ вѣры во всякую букву... мертвую и мертвящую въ отсутствіи животворящаго духа вѣрности живой, разумной и святой любви. Приходы расплылись, стали фикціей, административными терминами... Иссякла любовь, иссякъ и духъ соборности, иссякъ и духъ братства; никакой духовной связи въ громадномъ большинствѣ приходѣвъ между пастыремъ и пасомыми не существуетъ¹⁾. Преподаваніе закона Божія сводится къ зазубриванію буквы отдѣльных фактовъ и молитвъ, не давая ученикамъ ни малѣйшаго понятія о христіанскомъ міровоззрѣніи, не упорядочивая умы, не дисциплинируя сердца любовью, не научая разумному пониманію христіанской правды жизни. Все сводится, благодаря все тому же преступленію молчаливаго отверженія животворящаго духа Откровенія, на безсодержательную схоластику, совершенно непримѣнимую къ живой жизни живыхъ людей. Результатъ на лицо: школы выпускаютъ не сознательныхъ христіанъ, а сознательныхъ атеистовъ²⁾. „Естественно, что слишкомъ часто отсутствуетъ животворящій духъ любви и въ христіанскихъ храмахъ, богослуженіе принимаетъ характеръ чародѣйства, духовенство превращается въ кудесниковъ и заклинателей. Часто храмъ—школа схоластической мудрости...; очень рѣдко богослуженіе—праздникъ живой любви. Удивительно ли, что вѣра оклеветана до такой степени, что мирятся съ нею люди глупые и жестокіе, что врагами ея часто становятся люди

¹⁾ Тамъ же, стр. 40—41.

²⁾ Тамъ же, стр. 39.

сравнительно добрые. любви которыхъ возмущается мракомъ и злобою этого организованнаго челоѣколенавистничества, не возвышаясь до свѣта и любви, радости и свободы вѣры въ Бога истиннаго, въ Бога-Любовь¹⁾. На томъ современной церкви господствуетъ форма, вмѣсто духа жизни. Потрясающими, но тѣрными по существу чертами изображаетъ Н. Н. Неплюевъ это ужасное зло, проникшее въ жизнь нашей церкви и широко въ ней распространенное. „На лонѣ христіанства остаются ветхозавѣтными законниками, книжниками, фарисеями и саддукеями... Вѣра не только не становится свѣтомъ разума, но и совсѣмъ упразднена настоящимъ фетишизмомъ культа кумиромъ „еллика на землѣ низу“, подъ видомъ многообразной мертвящей буквы, точное знаніе и точное соблюденіе которой будто бы и гарантируетъ правотѣ и дѣло вѣчнаго спасенія... Малѣйшее пробужденіе церковнаго самосознанія, малѣйшее озареніе ума и сердца свѣтомъ разумія животворящаго духа вѣры... неизмѣнно признается предными повнествами... Конечно и въ жизни при такихъ обстоятельствахъ никакого христіанства нѣтъ, никакого духовно-нравственнаго вліянія на прихожанъ быть не можетъ... Все сводится исключительно на „требоисправленіе“, изученіе и соблюденіе „буквы мертвящей“... Совѣтъ усыплена, Живой Христосъ обращенъ въ бездушнаго кумира, нѣра изъ правды жизни низведена до жи христіанской буквы, прикрывающей собою чисто языческій складъ умовъ, сердець и жизни“²⁾.

Такова въ общихъ чертахъ грустная картина современной русской церковной жизни, рисуемая Николаемъ Николаевичемъ, челоѣкомъ, который не разъ заявлялъ, что онъ вѣрный преданный сынъ Церкви. „По чистой совѣсти заявляю, говорить онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ сочиненій, что сознательно предпочитаю православіе и протестантству

¹⁾ Т. 3, стр. 76.

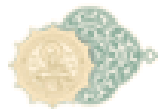
²⁾ Т. 5, стр. 409—411.

и католицизму, къ которымъ не питаю даже симпатіи... Что же касается до западно-европейскаго свободомыслія..., то я не только ему не сочувствую, но могу назвать себя самымъ убѣжденнымъ врагомъ его¹⁾. „Будучи вѣрнымъ сыномъ Церкви православной, я признаю и съ величайшимъ уваженіемъ отношусь ко всѣмъ ея догматамъ, авторитету и правамъ священной іерархіи, равно какъ и къ установленному ею чину богослуженія и обрядности... Высоко дорожу союзомъ міра и любви со всею Церковію Православною... По долгу вѣрности Православію не могу считать возможнымъ противопоставлять Церковь Православную Вѣчному Главѣ ея—Христу, ни ученія Церкви Православной—завѣтамъ Спасителя міра, и потому всегда считалъ, считаю и буду считать, что Церковь православная, оставаясь вѣрною „Краеугольному Камню Своему—Христу“, не отклонила высшей заповѣди Его—царственнаго закона любви, не развѣчала эту заповѣдь..., по долгу вѣрности Церкви православной и по логикѣ церковнаго самосознанія не могу не исповѣдывать громко, что благо Церкви помѣстной, нашего отечества и всего чело вѣчества... зависитъ отъ того, насколько честно и стройно осуществляется въ жизни нашей этотъ высшій царственный законъ о любви къ Богу и нелюбви къ братолюбію“²⁾.

Какъ ни тяжела сознанію вѣрующаго картина разстройства церковной жизни, нарисованная Н. Н. Неплюевымъ, но едва ли совѣсть позволитъ обвинять за мрачныя краски художника, нарисовавшаго эту картину. То, что говорятъ Николай Николаевичъ, сознается каждымъ, живущимъ интересами Церкви, но за то далеко не каждымъ сознается долгъ вмѣсто враждебнаго осужденія церкви помѣстной и ея іерархіи положить свою жизнь, всѣ силы ума и сердца на попытку возродить церковную жизнь въ духѣ за-

¹⁾ Т. 3, стр. 134.

²⁾ Тамъ же, стр. 135—136.

вѣтовъ Христовыхъ, не внося вражды и раздора въ церковную жизнь и не требуя ломки ея современной организаціи. Н. Н. Неплюевъ не вѣрилъ въ возможность возрожденія церковной жизни при посредствѣ одной внѣшней замѣны существующаго строя ея управленія другимъ. Хотя онъ возлагалъ большія надежды на предстоящій соборъ русской церкви и вѣрилъ въ возможность его благотворнаго вліянія на жизнь русскаго народа ¹⁾, но все же всю отвѣтственность за существующее и надежду на будущее Николай Николаевичъ возлагалъ на всю церковь. Онъ съ силою обличаетъ попытки объяснить недостатки церковной жизни ссылаками на недостойнство пастырей ²⁾ и свѣтлое будущее церковной жизни видитъ только въ ревностномъ стремленіи самихъ членовъ церкви организовать жизнь на началахъ слѣдованія ученію Христову.

Если такимъ образомъ въ самой церковной жизни преступленіе молчаливаго отверженія верховнаго закона любви привело къ тому, что полнотѣ жизни, всегда заключенной въ Церкви Христовой, остается чуждо громадное большинство называющихъ себя православными христіанами, то о другихъ областяхъ жизни нечего и говорить: въ нихъ полновластно царятъ изыческіе права и убѣжденія. Именно православіе должно было стать основою русской государственной жизни, дѣлая послѣднюю свѣтомъ міра и солью земли. Но отсутствіе церковнаго сознанія въ однихъ и крайнее искаженіе его другими мѣшаетъ и донныѣ православію стать живою правдою жизни русскаго народа. „Православіе стало буквою, лишенною своего животворящаго духа, только начертаніемъ на русскомъ знамени, буквою лживою по отношенію ко всѣмъ тѣмъ русскимъ людямъ, которые не стали ни ума-

¹⁾ См. т. V, 486 стр. и слѣд., а особенно въ статьѣ „Голосъ вѣрующаго мірянина по поводу предстоящаго собора“, Труды Академіи 1906 г.

²⁾ т. I, стр. 24—33 и др.

ми, на сердцах, на жизнию достояніемъ Божиимъ“¹⁾. Пораженный ужасами всего пережитаго въ послѣдніе годы, Николай Николаевичъ сознаетъ, что горячо любимую имъ родину „только враги въ чужбину могутъ назвать Святою Русью“²⁾, такъ какъ въ ней „мерзость запустѣнія на святомъ мѣстѣ“³⁾. И это сознаніе, такою безмѣрною скорбію поражающее покойнаго передъ его кончиною, не явилось какъ бы неожиданнымъ откровеніемъ для него, но было тѣмъ ужасѣмъ, что относилось къ предсказанному имъ какъ исполненіе его пророчества. Еще въ началѣ своей литературной дѣятельности, въ рядѣ живыхъ статей Николай Николаевичъ рисовалъ жизнь русскаго государства и общества и съ силою раскрывалъ сгущенныя язвы ея антихристіанскаго строя. Уже тогда онъ чувствовалъ, что жизнь русская идетъ по гибельному пути и наканунѣ своей кончины сознаетъ, что она уже пришла на край гибели⁴⁾.

Самымъ непосредственнымъ и доступнымъ наблюденію проявленіемъ внутренняго духа народной жизни служатъ культура, какъ духовная, такъ и матеріальная. Н. Н. Неплюевъ не врагъ культуры. Напротивъ, въ ней онъ видитъ орудіе истинно христіанскаго прогресса жизни и не разъ полемизируетъ съ гр. Л. И. Толстымъ, защищая необходимость стройной организаціи государственной жизни и цѣлостность плетовъ культуры. Но обращая вниманіе на то направленіе, на тотъ духъ, каковымъ живетъ послѣдній, Николай Николаевичъ въ яркихъ и сильныхъ чертахъ рисуетъ ея противохристіанскую сущность. Остановимся нѣсколько подробнѣе на характеристикѣ современной интеллектуальной, эстетической и матеріальной культуры въ сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева.

¹⁾ „Материалы“, стр. 43.

²⁾ Стр. 5.

³⁾ Стр. 52.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 6.

Интеллектуальная культура по его воззрѣніямъ занимаетъ въ жизни человѣчества самое видное мѣсто, какъ потому, что разумъ есть свойство нашего богоподобнаго духа, Божій талантъ, который мы призваны развивать, такъ и по необходимому вліянію литературныхъ произведеній на нравственное развитіе личности и общества. Но мы уже знаемъ впасть Николая Николаевича на разумъ. Онъ не долженъ замѣнить собою вѣры въ Бога-Любовь. Разумъ господствуетъ надъ ощущеніями и все знанія наши „основаны на впечатлѣніяхъ, воспринимлемыхъ нашими органами чувствъ“¹⁾. Конечныя причины міровой жизни остаются за предѣлами тѣсной области, доступной научнымъ изслѣдованіямъ. Только божественное откровеніе говоритъ о конечныхъ причинахъ, о вѣщающихъ изъ нихъ разумомъ смыслъ жизни міра и земной жизни человѣчества, рѣшаетъ при этомъ и роковой вопросъ о томъ, какъ жить разумно. И поэтому, наука полезна и заслуживаетъ великаго уваженія, пока она, оставаясь вѣрной себѣ, знакомитъ насъ съ экономіей земнаго міра и даетъ намъ пониманіе того, какъ пользоваться свойствами тѣла и силами природы для достиженія разумныхъ цѣлей, избираемыхъ свободной волей разумнаго духа. Наука становится вредна и смѣльна, когда, строя смѣлыя гипотезы, не имѣющія достаточнаго научнаго основанія, она берется рѣшать недоступныя для нея міровые вопросы. „Сказать: наука доказала мифъ, что нѣтъ разумнаго Бога... что Христосъ ошибался, говоря о вѣкахъ жизни и обманывалъ, называя Бога Отцомъ... такъ сказать нельзя, это ложь во всякихъ устахъ, клевета на науку“²⁾. Подробно и серьезно обосновывая ту мысль, что честная научная работа не можетъ прійти въ коллизію съ откровенной истиной, Николай Николаевичъ безотрадно смотритъ на современное направленіе научнаго образованія

¹⁾ Т. I, стр. 91.

²⁾ Тамъ же, стр. 92.

и литературы. Въ школахъ дѣтямъ и юношамъ не только ничего не даютъ для утвержденія ихъ ума въ основахъ христіанской истины, но напротивъ, дурнымъ преподаваніемъ закона Божія на всѣхъ ступеняхъ школьнаго образованія скорѣе погашаютъ и то релігіозное чувство, съ какимъ дитя приходитъ въ школу изъ семьи. Уроковъ по закону Божию мало, самый предметъ занимаетъ приниженное положеніе, преподается формально, а все время учащихся отдано изученію различныхъ отраслей научныхъ знаній, постоянно отрываемыхъ отъ духа жизни во Христѣ¹⁾. И начатое въ школахъ довершается потомъ въ современной научной литературѣ. Честныхъ въ научномъ отношеніи трудовъ сравнительно мало и, рассчитанные на солидную научную подготовку читателей, они не имѣютъ широкаго распространенія. Царить не наука, а т. н. популярная научная литература, характернѣйшей чертой которой является самозванство, стремленіе дать отвѣтъ на міровые вопросы съ видомъ всезнайки-шарлатана. Основываясь на какой-нибудь научной сказочкѣ, выдаютъ за непреерекаемую истину то, что вовсе не мирится съ христіанскою вѣрою, прямо или косвенно направлено къ отрицанію вѣры въ разумнаго Бога и напе богоподобное существо и что не имѣетъ въ то же время ровно никакого научнаго основанія²⁾. Прямымъ оружіемъ противъ этой зловредной мнимо научной литературы должна бы явиться, по мысли Николая Николаевича, литература духовная. Но она далеко несовершенно исполняетъ свое назначеніе. Общество относится несимпатично къ богословской литературѣ уже по тому одному, что образованное общество мало интересуется вопросами о Богѣ и духѣ, въ своемъ увлеченіи идеями матеріализма. Этому же содѣйствуютъ недостатки самой духовной литературы: издается „масса компиляцій, низводящихъ самую истину

¹⁾ См. статью „Отвѣтъ школахъ“ т. I, стр. 13—18.

²⁾ Т. I, стр. 91—127.

до уровня бессодержательной риторической фигуры“. Одни богословы „не имѣя живой вѣры, принимаютъ за вѣру свои схоластическія познанія по теологіи; сочиненія ихъ похожи на раскладываніе теологическаго пасьянса... и они воображаютъ, что служатъ религіи, дѣлая невообразимыя натяжки для примиренія Божественнаго Откровенія съ послѣдней научной сказочкой... Другіе... все оплошуютъ и способны до уровня никому не нужной исторической справки то, что имѣетъ вѣчное, непреходящее значеніе... они выгораживаютъ преступный для христіанъ современный строй жизни и даютъ возможность фарисеямъ нашихъ дней самодовольно оставаться гробами разукрашенными“¹⁾. Только проблески возрожденія духовной литературы видѣлись Николаю Николаевичу, а въ настоящемъ она представлялась ему вовсе почти безцѣнной въ дѣлѣ пробужденія религіознаго самосознанія. Если дѣтская и народная литература еще не стыдятся говорить о Богѣ и Церкви, то все это дѣлается рѣдко искренне и убѣжденно, притворно серіознымъ тономъ. Громадное множество книжекъ этой литературы—бездарны и нецѣльны. Претендуя на православный образъ мысли, они разносятъ самыя пошлыя суеты и водворяютъ въ умахъ простаго народа настоящій хаосъ на мѣсто строгой простоты вѣчной истины²⁾. Наиболее распространенный видъ литературы—беллетристика, является, по мысли Н. Н. Непцюева, зеркаломъ жизни, отражающимъ ее наиболее ярко и наглядно. И соответственно господствующему антихристіанскому направленію жизни писателей антихристовъ гораздо болѣе, чѣмъ христіанъ. И это губительно отражается на обществѣ; „писатель невѣрующій—по мысли Николая Николаевича—непремѣнно вреденъ, бессознательно окрашивая жизнь ложною краскою своего заблужденія, незамѣтно вливая въ умъ читателя отраву привычки думать

¹⁾ Т. I, стр. 133—135.

²⁾ Т. I, стр. 130—133.

не по христiански, навязывая ему свой ложный складъ ума; при томъ тѣмъ болѣе вреденъ, чѣмъ болѣе талантливъ, чѣмъ болѣе способенъ оцѣнить умъ читателя, очаровать его воображенiе, искусно заслонить отъ него правду, внушая вѣру и любовь къ тому, что ложь. Много литературныхъ кумировъ должно быть отнесено къ разряду этихъ враговъ Бога и Христа Его, противодействовавшихъ — одни сознательно, другие безсознательно — тѣлу создателя Царства Божiя! Много выпившихъ памятниконъ, воздвигнутыхъ этимъ вѣрнымъ слугамъ антихриста, останутся памятниками узкой національной гордости и равнодушнаго неврѣя въ Бога¹⁾. Полезными могутъ быть признаны только произведенiя, проникнутыя истинно христiанскимъ духомъ; алачить не заслуга — это даръ Божiй. Если писатель употребляетъ свой талантъ во зло или легкомысленно растрчиваетъ его, не справедливо ставить памятникъ злему рабу, зарывшему талантъ въ земную грязь, когда онъ могъ излить такъ много благи, просвѣтить такъ много свѣтлыхъ душъ и увлекательно прославить имя Бога²⁾. И большая часть талантовъ генеръ остаются именно талантами, зарытыми въ земную грязь³⁾. Наиболѣе поразаетъ зловѣщее отсутствiе чистоты въ современной литературѣ. Множество прославляемыхъ писателей занимаются записыванiемъ протоколовъ „скотоподобныхъ проявленiй жизни скотоподобнаго челоуѣка“⁴⁾. Эти писанiя вредны чрезвычайно, разжигая грубую страсть, поддерживая болѣзненную чувственность, заставляя читателя мысленно переживать такiя нравственныя паденiя, до которыхъ ни жизнь, ни собственное воображенiе его бы не довели⁵⁾. Писателей христiанъ мало, очень рѣдко встрѣчаются изображенiя того,

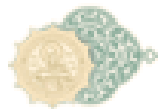
¹⁾ Т. I, стр. 142—3.

²⁾ Т. I, стр. 152.

³⁾ Тамъ же, стр. 154.

⁴⁾ Стр. 141.

⁵⁾ Тамъ же.

что может порадовать христианина, все человечество представляется въ видѣ „совершенно однородныхъ, низменныхъ, пошлыхъ, безличныхъ, безотвѣтственныхъ, скотоподобныхъ существъ“, которымъ писатели точно стараются доказать, что они имѣютъ разумное основаніе „глумиться надъ гѣми, кто въ свое скотоподобіе не вѣритъ и вести скотоподобную жизнь не ждастъ“¹⁾. Н. Н. Непцюевъ былъ далекъ отъ крайности въ своемъ требованіи христіанскаго направленія литературы. Онъ прямо говоритъ, что христіанинъ писатель не обязанъ идеализировать жизнь, можетъ рисовать ее такою, какою она ему представляется. Но онъ не можетъ сочувственно относиться къ изображаемому яду, игнорировать или даже глумиться надъ добромъ²⁾. „Вѣру въ Христа нельзя не признавать ложью все то, что несогласно съ вѣчной истиной, нельзя шириться съ ложью и зломъ, въ такую бы заманчивую форму они ни были облечены“³⁾. И въ хаосѣ антихристіанской литературы Н. Н. Непцюевъ видитъ лишь блѣдые силуэты новаго гена писателей — искателей Христа. Попытки ихъ робки, но все же это исканіе Христа вызвало уже отрадное явленіе, и въ беллетристикѣ „начинають чаще появляться повѣсти и романы съ сочувственнымъ отношеніемъ къ жизненнымъ явленіямъ и людямъ, симпатичнымъ для христіанина“⁴⁾. Мало утѣшительнаго, наконецъ, видитъ Николай Николаевичъ и въ современной періодической литературѣ. „Всѣ наиболѣе читаемые журналы и газеты говорятъ, думаютъ и чувствуютъ не по христіански, а такъ, какъ христіанинъ ни говорить, ни думать, ни чувствовать не можетъ“⁵⁾. Неудивительно поэтому, что на одномъ изъ первыхъ мѣстъ въ программѣ Всероссійскаго Братства Н. Н. Непцю-

1) Т. I, стр. 146.

2) Стр. 144—5.

3) Стр. 151.

4) Стр. 146.

5) Стр. 133.

евъ, какъ мы уже видѣли, ставить изданіе журнала и газеты „Вѣра и Жизнь“, равно какъ изданіе книгъ и брошюръ, пробуждающихъ христіанское и государственное самосознаніе. Но и независимо отъ того, будутъ основаны эти органы христіанской мысли или нѣтъ, каждый образованный христіанинъ не можетъ не чувствовать теплою благодарности къ самому усопшему Н. Н. Неплюеву за то литературное наслѣдство, которое онъ оставилъ русскому обществу. Богу извѣстно, будетъ ли благоденствовать основанное покойнымъ Трудовое Братство и возродится ли Братство Всероссійское, но написанное Николаемъ Николаевичемъ, глубоко вѣримъ, долго будетъ будить христіанскую мысль и совѣсть и уже не далеко, думается, то время, когда наша официальная богословская критика сумѣетъ отрѣшиться отъ сословнаго и школьнаго самолюбія и признаетъ великую заслугу Н. Н. Неплюева передъ русскою богословскою литературой. Во всемъ Николай Николаевичъ оставался вѣренъ себѣ: онъ не только произнесъ справедливый суровый приговоръ надъ направлениемъ современной богословской литературы, но и далъ опытъ увлекательнаго, глубоко продуманнаго и всесторонняго изложенія основъ христіанскаго жизненопониманія. По цѣлности впечатлѣнія, свѣжести мысли, вѣрности откровенной истинѣ и Церкви сочиненія Н. Н. Неплюева могутъ быть поставлены на ряду съ сочиненіями такихъ выдающихся мыслителей, какъ А. Хомяковъ и В. С. Соловьевъ, и если въ сочиненіяхъ Н. Н. Неплюева больше спорнаго, то быть можетъ прежде всего потому, что онъ не только христіанскій мыслитель, развивавшій послѣдовательно христіанскую истину въ теоріи, но и практическій церковный дѣятель, провѣрявшій каждое слово опытомъ жизни созданнаго имъ Братства, что своеобразно отражалось и на самомъ изображеніи цѣльнаго христіанскаго міровоззрѣнія.

Въ тѣсномъ родствѣ съ культурою интеллектуальною находится и другой родъ культуры—эстетической, выраже-

нѣмъ которой служить искусство. Вопросу о направленіи современнаго искусства и его вліяніи на процессъ созиданія въ челоѣчествѣ Царства Божія посвящена Н. Н. Неплюевымъ обширная статья, разсматривающая различные виды искусства и оцѣнивающая ихъ современное направленіе съ христіанской точки зрѣнія. Въ общемъ, взглядъ Николая Николаевича на современное искусство близко примыкаетъ къ его взгляду и на современное просвѣщеніе. Художниковъ христіанъ такъ же мало, какъ и христіанскихъ писателей. Поэтому и современное художественное творчество въ его цѣломъ не служитъ цѣлямъ созиданія добра въ жизни, но является чувствительнымъ тормазомъ въ дѣлѣ водворенія на землѣ Божьяго Царства, окрашивая жизнь колоритомъ языческаго пониманія ея цѣли и назначенія. Художники въ этомъ случаѣ являются истинными дѣтьми своего времени, а ихъ произведенія точнымъ зеркаломъ, отражающимъ весь ужасъ современнаго хаоса антихристіанскихъ мыслей и чувствованій. Такъ, живопись, имѣющая прямымъ назначеніемъ вводить зрителя въ пониманіе красотъ природы и премудрости Міроздателя, равно какъ открывать въ доступныхъ образахъ глубину внутренней духовной челоѣческой жизни, въ конкретныхъ образахъ представлять идеи добра и зла, съ цѣлію привлечь къ первому и оттолкнуть отъ второго, въ цѣломъ вовсе извратила свой путь. Если еще пейзажная живопись, пока къ ней не примѣшивается жанровый элементъ, не позволяетъ художнику, желающему остаться вѣрнымъ природѣ, внести въ свои произведенія опошляющій элементъ¹⁾, то въ остальныхъ видахъ живописи со всею яркостію и неприглядностію выступаетъ антихристіанскій, матеріалистическій складъ ума и настроеній. И здѣсь Николай Николаевичъ отмѣчаетъ двѣ выдающіяся характерныя черты современной живописи. Первое—это любовное отношеніе къ пороку и

¹⁾ Т. 1, стр. 166.

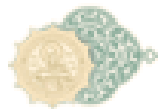

пошлости¹⁾, создающее особый типъ живописи въ формѣ юмористической идилліи въ тонѣ благодушнаго весельчака. Зло жизни въ злыхъ произведеніяхъ такъ перемѣшано съ симпатичными, посягающими сторонами, что въсего слезъ и горячей ревности о добръ вызываетъ снисходительную улыбку, когда изображеніе зла приводитъ въ радостное настроеніе, а человекъ, въ которомъ это зло проявляется, оказывается въ видѣ забавной игрушки. Подобныя произведенія проникли всюду. „утомляя своимъ вазойливымъ хихиканіемъ и грубою пошлостію въ витринахъ магазиновъ, на стѣнахъ гостиницъ и частныхъ домовъ, на страницахъ иллюстрированныхъ изданій, окрашивая современную жизненную обстановку тѣмъ пошлымъ колоритомъ легкомысленной оперетки и грубаго балаганнаго фарса, которыя, къ сожалѣнію, такъ вѣрно передаетъ духовное настроеніе злыхъ демоновъ и пошлыхъ фиглярствъ.“²⁾ И такое направленіе живописи имѣетъ глубоко опошляющее вліяніе. „Новыя поколѣнія растутъ среди этого гомерическаго хохота, привыкая относиться игриво и къ пороку, и къ любви, къ тому, что для христіанина должно быть постыдною скверной и къ тому, что для христіанина должно быть дорогою святыней. Когда ужасъ осмѣявъ и свитыня по ругана, нѣтъ мѣста спокойному достоинству христіанскаго настроенія духа, не можетъ человекъ ни думать, ни чувствовать по христіански; храмъ духа обратился въ балаганъ... Какъ убиваютъ время, такъ убиваютъ и жизнь. Весело убивать время—вотъ игривая философія Хама, но игривое выраженіе можетъ заключать въ себѣ грозную правду, и добродушные весельчаки, играя словомъ „убивать“, можетъ быть произносятъ надъ собою страшный приговоръ!“³⁾ Вторымъ характернымъ и въ то же время ужаснымъ признакомъ содержанія произведеній современной живописи является порно-

¹⁾ Стр. 177.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Т. I, стр. 181—2.

графія. „Если порнографы писатели превратили романы, повести и рассказы въ учебники по порнографіи, то порнографы художники успѣшно поставляютъ объяснительные рисунки къ этимъ учебникамъ, нѣчто вродѣ учебныхъ пособій по порнографіи¹⁾. Это сочувствіе порнографіи современнаго общества „есть явное, торжественное отреченіе отъ христіанства“²⁾, и порнографическія произведенія „вредны, пробуждая жадное стремленіе къ мясу, подмѣняя въ собраніи людей святое чувство любви скверною похотью животной жадности“³⁾.

Въ сферѣ современнаго музыкальнаго искусства Николаю Николаевичу предносится болѣе ратостная перспектива въ смыслѣ облагораживающаго вліянія музыки на человѣчество. Первымъ залогомъ этого служить въ инструментахъ итальянскій музыкальскій свѣтъ и свобода выводовъ и самого пониманія, какъ исполнителя, такъ и слушателя⁴⁾. Лично Николай Николаевичъ горячо любилъ музыку, самъ написалъ довольно много музыкальныхъ произведеній, отвелъ музыкальному образованію видное мѣсто въ своихъ христіанскихъ школахъ и всегда говорилъ о значеніи музыки съ горячимъ увлеченіемъ⁵⁾, поставляя на самое высокое мѣсто и усвоивъ самое благотворное вліяніе, въ частности, церковному пѣнію⁶⁾. Но пошлое, антихристіанское настроеніе общества и самихъ композиторовъ положило свою ясную печать и на этотъ благородный видъ искусства, особенно, конечно, на музыку вокальную и на театръ, съ его комментаріями слова и сцены. Романсы всецѣло отвѣчаютъ своимъ содержаніемъ современной поэзіи: въ нихъ все говорится о любви не такъ, какъ можетъ говорить о ней и понимать ее христіанинъ⁷⁾. То же и въ театрѣ. „Христіа-

¹⁾ Стр. 185.

²⁾ Стр. 191.

³⁾ Стр. 187.

⁴⁾ Стр. 193.

⁵⁾ Напр. т. 1, стр. 195—8 и др.

⁶⁾ Т. 1, стр. 119—202.

⁷⁾ Стр. 209.

нинъ очень рѣдко можетъ отдаться вліянію оперной музыки, переживая тѣ чувства, какія навязываетъ сцена, не измѣняя въ то же время своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ... Для того, чтобы безмятежно наслаждаться оперными представленіями, чувствуя гармоническое единство между собственнымъ настроеніемъ, звуками музыки и комментаріями сцены, переживая въ воображеніи то, что симулируютъ актеры, необходимо, за малыми исключеніями, быть сознательнымъ врагомъ христіанства, или наивно воображать себя христіаниномъ, не умѣя ни думать, ни чувствовать по христіански¹⁾. Что же касается оперетки, то „это—соединеніе порнографіи, грубаго юмора и юмористической идилліи со звуками музыки, выражающей соотвѣтствующія чувства... Оперетка—это цѣлый, довольно систематическій курсъ обученія тому, какъ не только заглушить въ себѣ привычку думать и чувствовать по христіански, но даже способность воспринять духомъ во всю остальную часть земной жизни... Это очень практичная мѣра для застрахованія себя на все время земной жизни отъ вдумчивости и укоровъ совѣсти²⁾).

Такова безотрадная картина современной „духовной“ культуры въ представленіи усоннаго Н. Н. Неплюева. Само собою разумѣется, что мы въ немногихъ словахъ не могли передать его взглядовъ во всей полнотѣ и силѣ изображенія. Считаемо нужнымъ только еще разъ сказать, что Николай Николаевичъ былъ чуждъ крайности отрицанія культуры и ея великаго значенія. „И искусство и наука—говорилъ онъ—и вся совокупность жизненныхъ явленій, объединяемыхъ въ общемъ понятіи „цивилизациі“ не можетъ быть названа ни абсолютнымъ добромъ, какъ то дѣлаютъ современные идолопоклонники... не можетъ быть названа и абсолютнымъ зломъ, какъ то дѣлаютъ графъ Толстой и его послѣдователи. Все это можетъ быть и величайшимъ добромъ и величайшимъ зломъ,

¹⁾ Стр. 204.

²⁾ Стр. 205.

сообразно съ тѣмъ, каково духовное настроеніе большинства человѣчества, куда направлено позволеніе духа свободнаго и разумаго“. И „только тогда, когда человѣчество ясно пойметъ, что ни науки, ни искусства, ни вся цивилизація во всей своей совокупности не могутъ замѣнить собою абсолютной истины Божественнаго Откровенія и что современное поклоненіе имъ столь же неразумно и постыдно, какъ и грубый фетишизмъ самихъ камныхъ дикарей; что вся разница въ этомъ отношеніи заключается лишь въ томъ, что дикари наивно поклоняются деревяннымъ кумирамъ, вытѣсаннымъ собственными руками, а цивилизованное человѣчество наивно поклоняется отвлеченымъ кумирамъ, порожденнымъ собственнымъ умомъ и воображеніемъ, ожидая отъ нихъ великихъ и богатыхъ милостей; только тогда, когда, устыдившись своего безумія, человѣкъ сознательно падетъ во прахъ передъ величіемъ Бога Единаго, Живаго, Всеблагаго и Разумаго, уверовавъ въ Него живою вѣрою до вдохновенія дерзновенной любви къ Нему, до искренняго желанія жить по вѣрѣ и творить волю Отца Небеснаго, сообразуя и мысли, и чувства и каждый шагъ повседневной жизни съ повѣданной намъ Божественнымъ Откровеніемъ вѣчной истинной правды Божіей, только тогда онъ внесетъ отблескъ вѣчной правды и въ науку, и въ литературу, и въ искусства и они станутъ высокополезными орудіями правды и добра, высокополезными рычагами при созиданіи Царствія Божія и правды Его“¹⁾.

Переходя отъ наблюденія современной духовной культуры къ законамъ современной же культуры матеріальной, Н. Н. Неплюевъ рисуетъ потрясающія картины разлада современного капиталистическаго строя жизни съ началами христіанской любви. Въ цѣломъ рядъ статей²⁾ изображается

¹⁾ Т. 1, стр. 211—212.

²⁾ Напр. т. 1, стр. 215—249 „хлѣбъ“; т. 2, стр. 138—143; т. 3, стр. 302—309; т. 4—рядъ статей о Трудовомъ Братствѣ и т. д.

ужась современнаго уклада матеріальной жизни, изображается съ такою яркостію, силою, убѣдительностію, правдивостію и живымъ искреннимъ чувствомъ негодованія къ неуравнѣ жизни и любви къ ближнимъ, что безъ колебанія можно отнести эти статьи къ числу лучшихъ изъ всего, написаннаго покойнымъ. Мы здѣсь лишь укажемъ основные пункты высказаннаго имъ по вопросу о ненормальности того направленія, на которомъ утверждается и движется впередъ матеріальная культура. „2000 лѣтъ тому назадъ Спаситель міра научилъ насъ говорить: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“. Въ этихъ двухъ словахъ *намъ* и *насущный* заключена глубина божественной мудрости... Слово *намъ* означаетъ солидарность сыновъ Божіихъ, любящихъ другъ друга, означаетъ неизбежность для искреннихъ христіанъ экономического братства, приобретающаго средства къ жизни... путемъ дружной совѣстной дѣятельности..., а не звѣрскою борьбою на пользу своего кармана... Слово *насущный* означаетъ обязанность для искренняго христіанина ограничивать до крайности свои потребности... безъ чего нельзя, любя ближняго, какъ самого себя, доставлять ему возможность удовлетворять... насущныя потребности, а неизбежно вымогать у ближняго куски чернаго хлѣба, чтобы утопать, среди голода и нищеты, въ избыткахъ преступной роскоши“¹⁾. Такъ насъ научилъ думать, говорить и поступать Христосъ. Спаситель, но человѣчество не повѣрило этому слову Его и устроило жизнь на основѣ другого принципа: вмѣсто братства въ жизни, на основѣ единства въ трудѣ и пользованія плодами его царить звѣрскій рукопашный бой; а вмѣсто самоограниченія—жажда наживы. Люди променяли любовь на деньги, обзываютъ христіанство „наивной утопій“—или поступаютъ совсѣмъ уже неразумно: продолжаютъ считать себя христіанами, ежедневно машинально повторяютъ слова

¹⁾ Т. I, стр. 216—217.

молитвы Господней „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“, а на дѣлѣ ежедневно противорѣчатъ каждому слову того, что просятъ у Бога... Сознательные и безсознательные враги Бога и Христа Его съ трогательнымъ единодушiемъ признають себя умнѣе и практичнѣе Спасителя міра и съ полнымъ убѣжденiемъ заявляютъ, что такъ жить, какъ жить совѣтовалъ Онъ, нельзя“¹⁾. Современное человѣчество не вняло призыву ограничивать свои потребности; оно предпочло свободѣ отъ излишнихъ потребностей духовное рабство невыносимо осложненной жизни „доразвившейся путемъ эволюціи до каторги капиталистической цивилизаціи“²⁾. Число „потребностей“ поразительно возрастаетъ. Всякая новая потребность становится привычкой, удовлетвореніе которой не доставляетъ радости, а неудовлетвореніе—влечетъ реальныя страданія, хотя бы это была уродливая, искусственно привитая привычка, вродѣ глотанія ядовитого дыма. И это наростаніе потребностей, не увеличивая сумму счастья въ жизни человека, ослѣпляетъ его жизнь, заставляетъ человека дѣлаться все болѣе и болѣе рабомъ собственныхъ привычекъ и ведетъ все къ большому столкновенію людскихъ интересовъ. И теперь, вмѣсто братскаго единенія христіанъ на землѣ полновластно царитъ каторга капиталистической цивилизаціи. „Капиталистическій строй не идиллія, а звѣрскій рукопашный бой..., который съ любовью къ ближнему ничего общаго не имѣетъ и имѣть не можетъ“. Интересы капиталистовъ и представителей труда всегда діаметрально противоположны, такъ какъ повышение заработной платы всегда невыгодно капиталисту, и наоборотъ: уменьшеніе заработной платы выгодно капиталисту и не выгодно трудящемуся, требуя удѣлять все время на трудъ физическій и не имѣть его на возможность жить духовно. Отсюда происходитъ такое печальное явленіе, что уменьшеніе заработной платы, а слѣдовательно

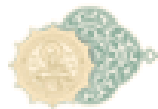
1) Т. 1, стр. 222—3.

2) Стр. 218.

и выгоды капиталистовъ „находится въ прямой зависимости отъ степени народной нужды... Капиталь даетъ наибольшій процентъ именно тамъ, гдѣ массы рабочаго люда наиболее нуждаются. Небо капитализма наиболее безоблачно тамъ, гдѣ тяжелый грузъ до того поглощаетъ человѣка, ничто то того гнететъ, что... народъ прозябаетъ во мракѣ. Напротивъ, тамъ гдѣ... обстоятельства заставили увеличить заработную плату, уменьшить число рабочихъ часовъ.. на небѣ капитализма накаплиются грозныя тучи... и выражается опредѣленная вражда между представителями труда и капитала“ ¹⁾. Всюду въ отношеніяхъ представителей этихъ двухъ классовъ царятъ холодный эгоизмъ, взаимное недоброжелательство, злобная завистливость. Яркими и правдивыми красками рисуетъ Николай Николаевичъ ужасные результаты капиталистическаго строя и для бѣдныхъ и для богатыхъ. Первые положительно прозябаютъ духовно на фабрикахъ и заводахъ, ихъ всеми силами стараются обратить въ безсловесныхъ животныхъ, губятъ физическую силу, развращаютъ духовно, за одно губятъ тѣло и душу дѣтей ²⁾. Грустно и нравственное положеніе капиталиста. Апологеты капитализма стараются указать источникъ происхожденія капитала въ добродѣтеляхъ трудолюбія и бережливости. Н. Н. Неплюевъ безнадежно разрушаетъ лицемѣріе такихъ моралистовъ и доказываетъ со всею убѣдительностію, насколько „невозможно при настоящемъ строѣ жизни трудолюбивому христіанину отложить копѣйку на черный день“, когда его окружаетъ вопіющая нужда, а сердце еще не окончательно очерствѣло. „При современномъ антихристіанскомъ, капиталистическомъ строѣ экономическаго быта для того, чтобы бѣдный человѣкъ могъ безбѣдно прожить и отложить копѣйку, нужны не христіанскія добродѣтели, каковы трудолюбіе и бережливость, а гнусныя съ христіанской точки зрѣнія пороки, каковы: корысто-

¹⁾ Т. I, стр. 224.

²⁾ Тамъ же, стр. 225—7 и др.

любiе, скупость и особенно непоколебимая жестокость¹⁾. Отсюда ясна вся безправственность для богатыхъ людей утопать въ роскоши среди моря нищеты²⁾, и все противорѣчiе капитализма съ его принципомъ мнимо свободной конкуренцiи началамъ христiанской жизни. „Не христiанинъ тотъ богатый, кто можетъ чувствовать себя счастливымъ среди несчастныхъ; не христiанинъ и тотъ бѣдный, кто завидуетъ богатому сосѣду. Гдѣ же вы, современные христiане? Гдѣ вы, искреннiе послѣдователи любвеобильнаго Богочеловѣка? Не христiане мы; мы узурпаторы, мы недостойные самозванцы святого имени Христа“³⁾. И „мы непремѣнно будемъ красть и отнимать другъ у друга хлѣбъ насущный на пользу себѣ и своему потомству, пока не будетъ любви между нами, той братской любви искреннихъ дѣтей Божiихъ, которая дозволитъ намъ собраться въ трудовое христiанское братство, чтобы путемъ дружной совмѣстной дѣятельности на пользу общую прiобрѣтать хлѣбъ насущный, не теряя любви и уваженiя другъ къ другу“⁴⁾.

Намъ нѣтъ нужды повторяться и говорить о постепенномъ переходѣ въ экономической жизни отъ ада капитализма къ стройной организацiи жизни на началахъ любви въ Трудовомъ Братствѣ. Организациа послѣднихъ по мысли Н. Н. Неплюева—единственный реальный и главное мирный выходъ изъ создавшагося невыносимаго положенiя. Къ социалистическому движенiю Николай Николаевичъ относился крайне отрицательно и въ предлагаемомъ имъ пути реорганизацiи жизни видѣлъ прямую противоположность тактикѣ социализма⁵⁾. И при этомъ интересно отмѣтить, что очень несочувственно относился Н. Н. Неплюевъ и къ современной фи-

¹⁾ Т. 1, стр. 239—240.

²⁾ Стр. 225 и др.

³⁾ Т. 3, стр. 306—7 и др.

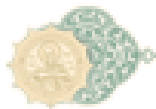
⁴⁾ Т. 2, стр. 156.

⁵⁾ Напр. т. 1, стр. 247.

лантропической культурѣ. Развитие послѣдней—гордость современнаго человѣчества, тотъ кумиръ, поклоненіемъ которому на минуту и жертвою на кофѣйку думаютъ оправдать свое постоянное звѣрство на общей картинѣ капиталистическаго строя. Николай Николаевичъ не жалѣетъ красокъ, чтобы обнаружить всю непривлекательность современной благотворительности и полное ея безсиліе залечить язвы нищеты. По мнѣнію его „безсистемная благотворительность даже вредна, убаюкивая совѣсть“... благотворительность еще „симпатична, когда это заплатка, которую съ любовію къ ближнему нашиваешь на его рубище тотъ, кто не можетъ купить ему новое платье; но она несомнѣнно гнусна, когда она служитъ подкупомъ общественнаго мнѣнія или швыряетъ мѣдные гроши со смѣхомъ шумнаго веселія“¹⁾. И даже симпатичная благотворительность, „даже самая искренняя, основанная на чувствѣ сердечнаго участія, живой жалости—только паліативъ..., не организующій жизнь на началахъ добра и любви, но, напротивъ, часто вредный, усыпляя совѣсть, покрывая грязь и безобразіе жизни цвѣтами совѣстѣ неестественными... Это ребяческое отношеніе къ дѣлу любви, при которомъ любовь всегда останется украшеніемъ жизни, а не станетъ ея основою. Это настоящее вливаніе вина новаго въ мѣхи ветхіе. Слѣдуетъ ли изъ того, что не надо накормить голоднаго, одѣть нагаго или облегчить страданія больного? Конечно нѣтъ. Все это дѣло живой любви. Не надо только успокаиваться на той малой степени любви, при которой довольствуются безсистемною помощью тѣмъ немногимъ, которыхъ видятъ и тѣмъ немногимъ страданіямъ, которыя непосредственно бьютъ по нервамъ нашимъ... Цѣлая жизнь, самыя большія состоянія—ничто въ дѣлѣ вычерпыванія этого моря зла и скорби... Серьезное, практичное дѣло любви—стройное созиданіе жизни, отношеній и труда на началѣ вѣры, дѣйствующей любовію“²⁾.

¹⁾ Т. I, стр. 84.

²⁾ Т. 3, стр. 70—71.

Мы изложили сравнительно подробно взглядъ Н. Н. Неплюева на современную культуру, какъ на самое несомнѣнное отображеніе того духа и настроенія, какіе царятъ въ жизни современнаго общества. Но само собою разумѣется, что эти антихристіанскіе духъ и настроеніе выражаются во всѣхъ сферахъ жизни и семейной и общественно-государственной. Въ жизни семейной царитъ та же „мерзость запустѣнія“, какъ и во всѣхъ другихъ областяхъ жизни ¹⁾. „Супружеская вѣрность, безъ которой семья не существуетъ въ высшихъ классахъ считается мѣщанскою добродѣтелью... Мѣщане... вѣроятно, охотно признаютъ, что обвиненіе въ этой добродѣтели по отношенію къ нимъ не болѣе, какъ устарѣлый предрассудокъ. Что касается до чистоты нравовъ простого народа, вездѣ, гдѣ мнѣ ни приходилось жить, я съ прискорбіемъ убѣждался, что это мнѣ, распространяемый людьми, упорно желающими вѣрить въ дѣйствительность существованія сельской илиліи“ ²⁾. Родители не признаютъ за собою никакихъ нравственныхъ обязанностей въ отношеніи дѣтей; послѣдніе не имѣютъ ни малѣйшаго разумнаго основанія почитать своихъ родителей ³⁾. Худые родители всячески и старательно развращаютъ дѣтей, наталкивая на зло и славомъ и дѣломъ ⁴⁾. Воспитаніе дѣтей по существу не христіанское. Если въ лучшихъ случаяхъ мать говоритъ дитяти о Богѣ и Христѣ Спасителѣ, приучаетъ дѣтей выполнять нѣкоторые христіанскіе обряды, то это не имѣетъ добраго значенія, а скорѣе злое при томъ ясномъ противорѣчій слова и дѣла, какія окружаютъ ребенка ⁵⁾. Чѣмъ впечатлительнѣе ребенокъ, тѣмъ тяжелѣе, болѣзненнѣе для его сознанія этотъ разладъ слова и дѣла и тѣмъ труднѣе ему найти опору

¹⁾ „Матеріалы“, стр. 51.

²⁾ Т. I, стр. 84.

³⁾ „Матеріалы“, стр. 54.

⁴⁾ Т. I, стр. 84.

⁵⁾ Т. I, стр. 286 - 7.

своему религиозному чувству въ условіяхъ жизни семьи и общества¹⁾. Еще меньше надеждъ на упроченіе христіанскаго настроенія въ школахъ отъ низшей до высшей²⁾, и, окончивши образованіе, человекъ всецѣло погружается въ современный хаосъ жизни³⁾. живетъ ея началами. Но существу эта „жизнь“ представляетъ изъ себя изумительное, сплошное отрицаніе христіанства... Теперь христіанинъ никогда не бываетъ христіаниномъ: не только въ должности, на улицѣ, у себя дома, но даже и въ церкви христіане рѣдко вспоминаютъ о томъ, что они христіане, о томъ, чѣмъ должны быть, какъ должны жить христіанинъ. Каждое слово, каждый шагъ современныхъ псевдо-христіанъ есть явное отреченіе отъ Христа и Его ученія⁴⁾. Такою же является и современная государственная жизнь. Всѣ христіанскія государства стоятъ подъ знаменемъ Креста, официально признають Божественное Откровеніе за абсолютную истину и единую основу жизни, какъ частной, такъ и общественной, государственной и международной. Но и здѣсь христіанство остается только формою жизни, а не ея духомъ. Самая сложность современныхъ законодательствъ говорить объ этомъ⁵⁾, но всего яснѣе и ужаснѣе свидѣтельствуешь объ этомъ современное положеніе Россіи⁶⁾. Здѣсь все искажено. Т. н. самобытныя основы русской жизни: православіе, самодержавіе и народность, въ дѣйствительности вовсе искажены. Н. Н. Неплюевъ горячій защитникъ этой самобытности Россіи и началъ ея жизни. Онъ глубоко вѣрилъ, что эти именно начала отвѣчаютъ правдѣ Божіей, и что утверждаясь на нихъ Россія можетъ явиться свѣтомъ

¹⁾ Стр. 28—89.

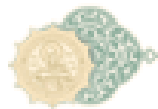
²⁾ Т. I, стр. 289—296 и мн. др.

³⁾ Стр. 296.

⁴⁾ Т. I, стр. 87—88.

⁵⁾ Т. I, стр. 68—72.

⁶⁾ Матеріалы, стр. I и мн. др.

для народовъ міра. Но въ жизни современной Россіи все искажено. Православіе, какъ мы уже говорили, стало буквою и при томъ живою по отношенію къ русскимъ. „Правда самодержавія *Божією милостію* не была понята, какъ обязанность для Монарха быть верховнымъ ревнителемъ о правдѣ Божіей... въ духѣ любви къ Богу и народу, не была понята какъ конституція правды Божіей, одинаково обязательная для царя, его сановниковъ и всего народа, не была понятна, какъ *соборность* въ дѣлѣ государственномъ... какъ того требовала основа православнаго христіанства и верховный законъ правды Божіей. И русскіе люди перестали дорожить самобытною основою самодержавія *Божією Милостію*, идеѣ соборности предпочли идею парламентаризма... Самодержавіе не можетъ осуществляться безъ духовнаго, сердечнаго единенія между царемъ и народомъ, когда единенію этому мѣшаетъ средостѣніе безответственной бюрократической олигархіи... И русскій народъ несетъ на себѣ наказаніе великаго преступленія отверженія верховнаго закона православнаго христіанства... Россія не стала ни свѣтомъ міра, ни солью земли. Она стала посмѣшищемъ всѣхъ народовъ ¹⁾. Такъ же извращена и третья самобытная основа русской жизни—народность. „Христіанскій патріотизмъ состоитъ въ томъ, чтобы желать для своей національности, для своей родины, для своей церкви помѣстной стать свѣтомъ міра и солью земли, первыми по степени осуществленія правды Божіей, наиболее достояніемъ Божіимъ“... При господствѣ такого настроенія Россія повяла бы „нравственный долгъ свой передъ всѣми объединенными народами силою любви залѣчить раны, нанесенныя присоединеннымъ народамъ въ періодъ борьбы. Господь благословилъ бы этотъ подвигъ любви“, и Россія явилось бы „могучимъ братствомъ народовъ, сплоченныхъ крѣпкимъ цементомъ любви, уваженія и довѣрія къ

¹⁾ Масералы, стр. 43—47.

объединяющей русской народности, сознательно дорожащихъ счастьемъ жить въ братскомъ обществѣ Россійской имперіи“. Но Россія „презрѣла свою національную самобытность... Ея сыны не вѣрятъ ея святому призванію, готовы объявить его утопій, одни мѣняють его на чечевичную похлебку шаблоновъ западно-европейской культуры; другіе кощунственно творять себѣ кумиры изъ буквы православія, самодержавія и русской народности, и буквы эти остаются дживыми словами на ихъ боевыхъ знаменахъ“ ¹⁾). И единственный выходъ для Россіи, находящейся на краю гибели, это искреннее покаяніе, обращеніе къ Богу Живому и правдѣ Христовой, и несеніе креста своего святого призванія ²⁾).

Такова грустная картина жизни современнаго христіанина и христіанскаго общества въ представленіи Николая Николаевича. Въ нашей передачѣ эта картина выступаетъ, конечно, болѣе блѣдною, чѣмъ въ его изображеніи, гдѣ нѣкоторыя страницы и цѣлыя статьи поражаютъ яркостью образовъ и силою убѣжденія. Но все же не пессимизмомъ вѣетъ отъ сочиненій Н. Н. Неплюева, но горячей вѣрой въ свѣтлое будущее. Мы уже видѣли, что по словамъ самого Николая Николаевича его нѣкоторые критики представляли человекомъ съ пессимистическимъ взглядомъ на жизнь ³⁾). Лично намъ думается, что такое обвиненіе говоритъ объ одномъ изъ двухъ: или о незнакомствѣ съ сочиненіями Николая Николаевича или еще хуже: о недобросовѣстномъ отношеніи критиковъ къ жизни, къ той безднѣ страданія и грѣха въ какихъ она погибаетъ. Эти критики въ послѣднемъ случаѣ напоминають тѣхъ ложныхъ пророковъ Ветхаго Завета, которые обманывали народъ, говоря отъ лица Божія: миръ, миръ, а мира не было; доброе, доброе, а Господь уже

¹⁾ „Материалы“, стр. 47—49.

²⁾ Стр. 2, 52 и др.

³⁾ Т. 4, стр. 3.

судить злое¹⁾. Въ цѣломъ, сочиненія Н. Н. Неплюева— это горячій призывъ къ возрожденію и глубокая вѣра въ него. „Можно ли, спрашиваетъ самъ онъ, назвать пессимизмомъ того, который вѣритъ въ жизненную правду христіанства до горячаго убѣжденія въ обязательности осуществленія этой правды въ жизни, который вѣритъ въ способность всѣхъ людей осуществлять эту правду до неустаннаго призванія всѣхъ... немедленно приступить къ ея осуществленію: который самъ отдать всего себя и всю свою жизнь безраздѣльно на то дѣло, которое другимъ предлагаетъ! Не очевидно ли, напротивъ, что это признаки явнаго, несомнѣннаго оптимизма и самаго искренняго уваженія, какъ къ христіанской истинѣ, такъ и къ моему отечеству, къ православной Церкви, ко всѣмъ моимъ соотечественникамъ и единовѣрцамъ“²⁾. И эта радостная надежда покоилась всегда на вѣрѣ усопшаго въ богоподобное человѣческое достоинство, въ невозможность того, чтобъ человѣкъ могъ навсегда забыть Бога. „Живъ Господь Богъ, творяй чудеса! Онъ живъ, но человѣчество Его позабыло, не вѣритъ Свѣту отъ Свѣта Его, отрицаетъ самое бытіе Его и... тоскуетъ горько..., тоскуетъ по Немъ... Но скорбь пройдетъ и настанетъ свѣтлая радость, ибо живъ Господь Богъ, творяй чудеса“³⁾. Этими словами о Богѣ живомъ заканчивается и послѣднее обращеніе усопшаго къ русскому обществу, съ призывомъ къ покаянію и возрожденію⁴⁾.

Чтобы закончить изложеніе воззрѣній Николая Николаевича, намъ оставалось бы сказать о томъ пути къ свѣтлому будущему, какой предносился его сознанію. Но этого дѣлать уже нѣтъ и нужды послѣ того, какъ мы изложили въ связи съ обстоятельствами жизни покойнаго идейныя осно-

¹⁾ Напр. Іер. 6, 13—14; 8, 11; 23, 17 и мног. др.

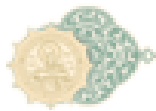
²⁾ Т. 4, стр. 3.

³⁾ Т. 1, стр. 54—59.

⁴⁾ Матеріалы, стр. 9.

вы его дѣятельности—созиданія Трудоваго Братства и призывъ къ созданію Братства Всероссійскаго.

Въ заключеніе своего бѣглаго очерка позволимъ себѣ сказать два слова о томъ общемъ духѣ, который проникаетъ всѣ сочиненія Николая Николаевича и дѣлаетъ ихъ необычайно привлекательными, выдѣляя изъ ряда статей нашей профессионально-правоучительной литературы. Какъ было упомянуто мимоходомъ, наша печать не особенно благосклонно отнеслась къ сочиненіямъ Н. Н. Неплюева, и это, намъ думается, всего скорѣе объясняется тѣмъ, что его литературная дѣятельность шла до значительной мѣры къ разрыву съ установившимся направлениемъ въ нашей богословской литературѣ, особенно въ статьяхъ правоучительнаго характера. Эти статьи, за нѣкоторыми, конечно, исключеніями, выступали до послѣдняго времени съ совершенно своеобразнымъ характеромъ, который можно обозначить однимъ словомъ: неискренній. Таково, по крайней мѣрѣ наше личное впечатлѣніе. Неискренность въ томъ, именно, что наши русскіе правоучители, защищая всевозможныя неправды современнаго строя жизни, всюду прикрывали свою защиту Святымъ именемъ Христа и словами Его Евангелія. Обыкновенно поступаютъ такъ: высокій Евангельскій идеалъ совершенно сознательно объявляется недостижимымъ, въ силу его безконечности, а затѣмъ уже на этомъ твердомъ фундаментѣ строится оправданіе нарушенія любой евангельской заповѣди, особенно если она нарушается на основаніи закона или сильными міра. Даже лучшія наши богословскія силы потратили не мало труда на то, чтобы доказывать обществу, будто жизнь—одно, а идеалъ—другое; что такъ какъ заповѣди Христа безконечно высоки, то нельзя мечтать даже объ ихъ всецѣломъ осуществленіи, а слѣдовательно, нарушеніе ихъ—зло неизбежное; что Царство Бога и царство міра имѣютъ свои особые законы, по которымъ живутъ и должны жить и т. д. Вообще Николай Николаевичъ очень ошибался, когда назы-

валъ преступленіе отверженія въ современной русской жизни верховнаго завета любви Христіанской преступленіемъ „молчаливымъ“. Это „преступленіе“ имѣло и имѣетъ множество ревностныхъ апологетовъ въ средѣ нашихъ духовныхъ литераторовъ при томъ, иногда, выдающихся знаній. Мы не хотимъ сейчасъ отклоняться въ сторону и вступать въ полемику съ господствующимъ пока еще направленіемъ нашего богословія, о которомъ и ранѣе мы дѣлали небольшія замѣчанія¹⁾; отмѣтимъ здѣсь лишь вскользь, что такое неискреннее направленіе нашей духовной литературы могло привлечь къ себѣ симпатіи только тѣхъ, для которыхъ удобно прикрывать язвы современной антихристіанской общественной и своей личной жизни знаменемъ креста Христова, съ цѣлью ли усмирить голосъ своей совѣсти или же для подкупа общественнаго мнѣнія. Напротивъ, это въ основѣ фальшивое направленіе должно было оттолкнуть отъ себя неизбежно всѣхъ, кто не потерялъ еще настолько честности, чтобы прикрывать свои грѣхи и недостатки именемъ Всесвятого Бога, и на основаніи своей недостаточности и тѣноты отрицать жизненное значеніе Евангельскаго идеала. И вотъ, передъ лицомъ такого неискренняго богословствованія послышалась проповѣдь Николая Николаевича Неплюева. Человѣкъ свѣтскій, не получившій спеціальнаго богословскаго образованія, выступилъ неожиданно для нашего богословія съ суровой, негодующей критикой уклада современной противохристіанской жизни, а за одно съ критикой, хотя и не всегда открытой, господствующаго направленія нашей богословской мысли. Раздалось простое, доступное каждому, глубоко убѣжденное слово вѣрующаго человѣка, что Христосъ Спаситель училъ людей для того, чтобы они соблюдали Его заповѣди; что это заповѣди не тяжки, но удобоисполнимы; что соблюденіе этихъ заповѣдей прямой долгъ человѣка и въ то же

¹⁾ См. конецъ статьи „Къ вопросу объ отношеніи православія къ полгиизму“, Труды К. Д. А., 1905 г.

время условіе его христіански-человѣческаго счастья; что не Бога только нужно дѣлать своимъ достояніемъ, но и самимъ преобразовываться постепенно въ достояніе Божіе; не свои грѣхи и недостатки жизненнаго строя оправдывать христіанствомъ, но послѣднее сдѣлать пробнымъ камнемъ качества или совершенства существующихъ формъ жизни и жизненныхъ отношеній. Каждое слово такой проповѣди являлось какъ бы камнемъ, падавшимъ на поверхность стоячей воды, которую наше богословіе предлагало всѣмъ жаждавшимъ на мѣсто воды живой. Исполни естественно, что наша богословская литература на первыхъ порахъ встрѣтила эту проповѣдь непріязненно и, не имѣя мужества открыто возражать противъ безспорныхъ съ христіанской точки зрѣнія истинъ, высказываемыхъ покойнымъ Н. Н. Неплюевымъ, обрушилась на личность проповѣдника, заподозривъ его въ противоцерковности и чуть ли не ереси, и высмѣивая его дѣло. Но сказано честное слово, поставлена истинно христіанская проблема жизни, и этой заслуги покойнаго не заземлятъ никакія нападки на его личность и не умалятъ возможные ошибки его взглядовъ по нѣкоторымъ частнымъ вопросамъ. Если мы раньше рѣшились приложить къ господствующему направленію въ нашей нравоучительной литературѣ наименование: неискренняя, то отличительнѣйшею чертою, внутреннею душою всего написаннаго Н. Н. Неплюевымъ является искренность. Когда читаешь его сочиненія, то невольно чувствуется, что это—біеніе живого христіанскаго сердца, почерпающаго источникъ своей жизни въ любви къ Богу всѣмъ разумніемъ. Поэтому и слово Николая Николаевича всегда будетъ дорого и убѣдительно для каждаго, ищущаго Христа, тоскующаго по Богѣ, употребляя образы самаго усопшаго: а для нашей богословской нравоучительной литературы, особенно популярной, оно надолго останется высокимъ образцомъ и свѣтлымъ предвѣстникомъ ея будущаго возрожденія.

В. Экземлярскій.